

РУССКИЙ Крест

Александр ЛАПИН

НЕПУГАННОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Русский крест

Александр Лапин

Непуганое поколение

«Автор»

2013

Лапин А. А.

Непуганое поколение / А. А. Лапин — «Автор»,
2013 — (Русский крест)

Роман «Русский крест» – «сага о поколении». Интимный дневник, охватывающий масштабный период конца XX – начала XXI века, раскрывает перипетии и повороты судеб четырех школьных друзей в контексте вершившихся исторических событий. Роман «Русский крест» состоит из пяти книг: «Утерянный рай», «Непуганое поколение», «Благие пожелания», «Вихри перемен», «Волчьи песни». Впервые с главными героями романа автор знакомит читателя в книге «Утерянный рай» – лирическом повествовании о школьной юности. Вторая книга романа – «Непуганое поколение» о взрослении, выборе пути, непростых решениях и ответственности за них. Жизнь разведет повзрослевших героев по разные стороны баррикад, где каждый из них будет отстаивать свою правду. Именно это «непуганое поколение», чья юность пришлась на безмятежные 70е, потом совершит настоящую революцию, изменит весь облик страны. Но чтобы прийти к новой картине мира, им предстоит преодолеть немало испытаний.

© Лапин А. А., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Часть I	5
I	5
II	6
III	13
IV	16
V	18
VI	21
VII	24
VIII	30
IX	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Александр Лапин

Непуганое поколение

Часть I

Записки старого солдата

I

Однажды к Богу пришел человек и взмолился:

– Господи! Ты возложил на меня слишком тяжелый крест. Не могу я его носить по жизни. Жена злая. Работа тяжелая. А я сам болен и немощен. Помоги! Освободи!

– Ну что ж, – ответил Господь. – Поставь свой крест вон там, в уголке у оградки. И пойдешь поищи какой-нибудь другой. Поменьше. Да возьми хоть вон тот.

Схватил человек новый крест. Обрадовался, что меньше. А крест оказался весь в колючках. Искололся человек до крови и опять взмолился:

– Господи, что ты мне дал? Еще тяжелее!

Господь ему в ответ:

– Возьми любой другой.

Стал человек примерять кресты. Тот хоть золотой, да чересчур тяжелый. Этот грязный. Третий длинный. Так и проходил целый день. Но ни один ему не подошел. И только под вечер увидел в уголке подходящий. Обрадовался. Взял его:

– Это по мне! Прямо в самый раз.

А Господь ему в ответ:

– Так это ж твой крест, который ты утром оставил!

II

Кислый летний дождь уныло поливает однообразные серые крыши казарм военного городка, проникает за шиворот молоденькому часовому, стоящему у красноразветных зеленых ворот контрольно-пропускного пункта. Ворота изредка распахиваются на две половинки. И тогда из них либо выезжает большой, крытый колыхающимся брезентом жук-грузовик с полным кузовом курсантов, либо выползает серо-зеленой, мохнатой, ошестиненной стволами карабинов гусеницей военная колонна.

Будущие сержанты направляются в ближайшие леса на учения. Через час-другой оттуда слышны звуки стрельбы, приглушенные отчаянные крики: «Ура-а-а!» К вечеру замысленные и покусанные мошкаркой колонны втягиваются обратно в ворота учебки.

Нынешнее лето здесь, на севере от Москвы, в закрытом городе ученых Дубне, получилось жарким и душным. Комары, мухи, мошка и прочая нечисть запленили затерянный в лесах городок физиков-ядерщиков, работающих в институте со смешным названием ОИЯИ – Объединенный институт ядерных исследований. А учебку, в которую в конце концов после быстрых весенних проводов попал Александр Дубравин, они просто заели. Так что все с облегчением вздохнули, когда по приказу свыше прилетел тархтящий кукурузник и окурил дустом окрестности таинственного города.

Тогда в Алма-Ате Дубравин, как и положено, пришел на призывной пункт вовремя. Предъявил повестку той самой бабе с сержантскими погонами. Она отметила его в списке и сказала, что он приписан к команде номер шестнадцать. Тут же вертелся в нелепой, почти детской кепочке с козырьком белокрысый, стриженный под ноль Витька Палахов. Он все подначивал и высмеивал длинного, ушастого, нескладного деревенского парня со странной унылой фамилией Чемолган. Спрашивал с подковыркой:

– У тебя что, папа индеец, что ли? Фамилия – ну прямо как Чингачгук!

Сидели ждали. Разглядывали двор военкомата, по которому бегали туда-сюда офицеры, прапорщики, сержанты – «покупатели», как называли их на местном жаргоне.

Шум, гам и всегдашняя русская ругань. В общем, бестолковщина.

Наконец раздалась команда на построение. Вышел молодой усатый красивый лейтенант в голубом берете:

– В две шеренги становись! Кого назову – два шага вперед.

Началась переключка:

– Алпатов!

– Я.

– Два шага вперед!

– Бубкин!

– Я.

– Дудко!

– Который Дудко?

– Василий.

– Я.

– Дудко Иван!

– Здесь!

– Не здесь, а «я» надо отвечать...

Сашка Дубравин напрягся, как струна, ждал с секунды на секунду, что сейчас по списку выкликнут его. И приготовился отвечать молодежато-зычно. Но почему-то его в списке на букву «Д» не оказалось. Вот уже откричались буквы «Е», «Ё», «Ж», «З». И так до конца алфа-

вита. Назвали и Палахова, а в конце и Чемолгана. Всего сто человек. Он и еще трое таких же ребят остались стоять в шеренге чуть позади от остальных.

– Разойдись! – раздалась команда после построения.

Они сразу же подскочили к бравому лейтенанту, с завистью поглядывая на его десантные эмблемы с парашютиком.

– Нам сказали, что у нас тоже команда номер шестнадцать, – заметил Сашка, – но вы нас не зачитали.

– Ничего не знаю, – неопределенно махнул зажатой в руке коричневой папкой лейтеха. – У меня сто человек в списке. Обратитесь к военкоматовским. Может, они вас вызвали для замены в случае, если кто не явится. Такое бывает...

Обрадованный парень, стоявший рядом с Сашкой, выдохнул:

– А может, нам того, уйти, раз нас нет в списках?

– Да ну, – возразил ему Саша. – А вдруг начнут искать? Давай лучше подойдем к тому военкоматовскому майору. Предупредим его. А потом уйдем.

Так и сделали. Долго искали носатого унылого майора, который определял их в команду. Тот все носился туда-сюда по двору. Отмахивался. Но, в конце концов, выслушал. И приказал сидеть на лавочке дальше:

– Ждите команды!

Ждать и догонять – самое нудное дело. Решили: посидим часок, да и слиняем.

Они уютно устроились возле забора и принялись обедать тем, что им положили дома.

На плацу строилась очередная команда. Маленький, аккуратный, ладно скроенный офицерик с двумя бывалыми сержантами собирал людей. Если в десантной роте, в которой они до этого состояли, народ был подобран рослый, видный, то здесь, как говорится, собрали с бору по сосенке. Люди самые разные. Есть даже старые мужики. Конечно, «старые» – это громко сказано. Но для восемнадцатилетних парней переростки двадцати пяти – двадцати шести лет с густой жесткой щетиной на щеках казались старыми. Некоторых провожали жены. А у одного даже была на сносях.

Вдруг у них в строю начался шум, гам, треск. Кто-то «забикал». К этому месту сразу потянулись сержанты. Через минуту дружки потащили из шеренги пьяного «моремана» – призывника-курсанта речного училища. Отвели подальше на лавочку и посадили. Там он тупо сидел, наклонившись, мотая головой из стороны в сторону, пока не свалился со скамеечки на травку.

Пока шла эта сумятица, ребята и не заметили, как рядом с ними вдруг оказался носатый военкоматовский майор, а с ним «покупатель». Тот самый маленький ладный офицерик.

– Вот вам замена! – прогундосил нервно майор. – Что вы переживаете?

Он достал из папки наугад учетную карточку и произнес:

– Александр Дубравин здесь?

– Здесь я, – ответил заинтригованный Сашка.

– Переходишь в распоряжение старшего лейтенанта. – И майор передал маленькому лейтенанту его учетную карточку. – Так, следующий кто у нас по списку? Белов.

– Я Белов, – ответил второй паренек.

Пока шел их диалог, Дубравин с любопытством разглядывал офицера. Точнее, его знаки отличия. Зеленые погоны. Черные петлицы. На петлицах трактор со скребком. Бульдозер в просторечии.

Не удержался, спросил:

– А это какие части?

– Инженерные войска, – ответил старлей.

У Дубравина так все внутри и опустилось: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день». Вот тебе десант. Вот тебе карьера. Будет он, миляга, строить блиндажи, да рыть окопы, да еще наводить мосты. Не о такой службе он мечтал.

– Становись в строй, боец, – приказал ему старший сержант-«кусок», когда лейтенант передал ему с рук на руки нового воина взамен того алкаша, что пьяный лежал сейчас на газоне у военкомата...

* * *

На оцепленном милицией вокзале – никого. В тишине идут по перрону к вагонам пассажирского поезда тысячи молодых парней. И в этом молчаливом шарканье ног что-то такое жуткое, что пожилая проводница, выглянув в окошко вагона, когда они проходят мимо, даже начинает причитать по-бабьи:

– Миленькие мои! Да куда ж это вас гонят? Такие молоденькие. Да сколько вас много! Ой, беда, беда!

Дубравину непонятно, какая тут беда. Отчего беда? Ну, взяли в армию, ну, идут они по перрону – ничего особенного. Эх, знал бы он...

Вот только вчера ты был свободный человек, сам принимал решения, сам отвечал за себя. И вдруг все переменялось. И уже ты не принадлежишь себе. И уже ты не вольный человек, а гонимый ветром судьбы листок, песчинка в человеческом океане. И гонит тебя неведомая сила неизвестно куда...

Вот это ощущение своей ничтожности больше всего запомнилось Александру Дубравину в той длинной поездке по стране.

* * *

Перед посадкой в вагон опытные сержанты проверили у всех вещмешки и чемоданы. Изымали водку. Кое у кого нашли и даже для виду пару бутылок разбили. Пытались устранить повальную пьянку в поезде.

Куда там! Все не перебьешь. Так что пахнувший перегаром пьяный поезд словно шатается на рельсах. Кончилась водка – в ход пошли одеколоны, настойки, даже духи.

Трое суток качает их вагон. В нем дикая духота от распаренных тел, миазмы от загрязненных туалетов. На все призывы к начальству открыть окна, дать народу выйти на станции, просьбы чего-нибудь прикупить поесть следует стандартный ответ: «Солдат должен стойко переносить все тяготы и лишения военной службы». Ну вот, чтобы переносить эту скотскую атмосферу, безделье, духоту и неизвестность, народ и пьет все, что под руку попадается.

Дубравин с первой минуты как-то не вписался в коллектив. Странно, на гражданке он всегда был лидером. А здесь нет. Может, потому что тут другие люди, другие интересы и задачи. Как-то само собой лидером в купе стал толстый, рыжий, какой-то бело-рыхлый парень с маленькими свинячьими глазками, обрамленными белесыми ресницами. Он был постарше их всех. Уже где-то за что-то посидел в тюрьме. И поэтому считал своим долгом их всех учить жизни. В подручные к нему на побегушки пристроился симпатичный парень-казах, выпускник алма-атинского балетного училища. Тут же рядом с Кабаном, как окрестил рыжего лидера Дубравин, шестерил и поддакивал робкий парнишка-гитарист. Захаживал к ним в купе «поговорить» дядя Витя – здоровенный, похожий на мясоруба лох, мужик из соседнего отсека.

А вот Дубравин выглядел белой вороной. Он не играл в карты. Не рассказывал анекдотов. И даже не подхихикивал, когда их рассказывал Кабан. Он просто наблюдал за жизнью в новой для себя ипостаси. Ему даже хотелось бы стать таким же, как все. Но он почему-то не мог. Что-то не давало. Может, чувство собственного достоинства?

Вот и сейчас балерун раздобыл где-то флакон духов «Красная Москва». Хороший такой «фуфырик». Кабан аж радостно хрюкнул, когда увидел его. И потянулся за стаканами. Стаканов не нашли, обошлись тремя зелеными металлическими кружками. Внимательно отмерили жидкость. Добавили воды. Балерун и гитарист сразу весело звякнули жестяными боками.

Правда, гитаристу Веньке духи не пошли. Поперхнулся, закашлялся. Глотнул, отставил кружку. И кинулся на выход. Но все равно вел себя правильно, как и должен вести себя настоящий «зольдат» и «мужик». Не то, что Дубравин, который не захотел проделывать над своим желудком эксперименты. Тоже мне, чистоплюй.

– А ты чо, Дуб? – глотнув из кружки, обратился к нему с укоризной Кабан. – Не пьешь? Брезгуешь, что ли?

– Просто не хочу, – нехотя ответил Александр, – да и не люблю.

– Мотрю я на тебя, – продолжил Кабан, – в карты не играешь, водку, духи не потребляешь, травку не куришь, анекдоты наши тебе не ндравятся. Про девок тоже ничего не рассказываешь. Некомпанейский ты парень. Хреново тебе в войске будет. Там таких не любят.

– А ты откуда знаешь, как мне там будет?

– Знаю, – уверенно ответил Кабан. – Что в армии, что на зоне – порядок один. Там фуфло и фраеров не любят. А ты какой-то больно гордый, независимый. Обломают тебя!

– Эй, мужики! – пронырливый худющий мальчишка Свистунов появился в проеме купейной двери. – Тут сержанты попросили на дембель собрать для них, кто сколько может. Давайте складывайтесь по пятерочке.

Дубравин молча полез в карман, где у него был заначенный оранжево-коричневый четвертной. Кабан почесал репу и сказал:

– У меня нету.

– Да брось ты! – Свистунов даже обиделся. – Что, пяти рублей нету? Бреешь небось. Жилишься?

Да, как в воду тогда смотрел Кабан. Плохо приживался Дубравин в воинском коллективе. Уж больно не похож он был на других призывников. Конечно, когда их везли, сначала они все как-то потерялись. А особенно когда в части переодели в форму, пришили погоны и выдали кирзовые сапоги. И то дело. Были люди как люди. Разные, по-разному одетые. А тут вдруг разом исчезли. Все они сегодня на одно лицо. Но прошла неделька карантина, и постепенно стали снова, теперь уже на армейской почве, проявляться характеры. И характер у Дубравина оказался ой какой непростой.

Поселили их до присяги в одной казарме со «стариками». Казарма большая, одноэтажная. В центре – вход. У тумбочки стоит дневальный. Направо от входа живут старослужащие бойцы. А в левой половине поставили в два яруса кровати для карантина. И пошла жизнь бекова: нас пасут, а нам некого. «Старички» утром собирались на построение, потом на плацу у них происходил развод на работы, на службу. А молодняк держали на казарменном положении. Они, по идее, должны были изучать уставы, оружие, пройти курс молодого бойца. Так что к ним постоянно приходили офицеры. Читали лекции типа «Устав караульной службы. Его значение и основные положения...». Зубрили и присягу: «Я, гражданин Советского Союза, торжественно клянусь... Если же я нарушу эту торжественную клятву, то пусть меня постигнет суровая кара...»

В общем, все шло своим, теперь уже казарменным, порядком. Занятия. Бесконечные построения. Проверки. Вечерняя поверка. И опять все сначала.

Но постепенно они обживались, оглядывались по сторонам. И в этой среде, которая жестко прессовала их, заставляла стремиться к единообразию, несмотря на это повседневное давление, выражавшееся в самых разных формах, все равно начинали проявляться характеры.

Дубравин старался изо всех сил. Он чувствовал себя на своем месте. Надел форму – и как будто в ней родился. Ловко наматывал портянки с первого раза. Быстро освоил строевой шаг.

Одним словом, чувствовалась в нем какая-то врожденная военная стать. Но для того, чтобы, как говорится, «слиться с массой», ему не хватало покорности. Вроде он никогда не спорил, не увивал от работы, все делал старательно, но все равно видно – парень ершистый, себе на уме. И шибко умный и грамотный, что в армейской среде не особо приветствуется.

То дело началось с дружбы. В одном отделении с ним оказался хороший парень из интеллигентной семьи. Начитанный, умный, тонкий. Но слишком мягкий. «Старички», которые жили в соседней половине карантинной казармы, постепенно смелели. И уже после отбоя начали похаживать на половину молодняка. Через две недели жизнь молодых, готовящихся к присяге, стала делиться на две части: до отбоя – по уставу, а после – по понятиям. Как шакалы, стаей, по двое-трое, «старички» выходили на охоту. Собирать с молодых сигареты, отбирать у них деньги. Кое-кого, почувствовав слабость, стали припахивать. Ну, например, «старика»-дневальному лень драить полы в своей половине. Он идет, поднимает парочку молодых, и они вместо него пашут. Постепенно появились изгои, которых, войдя во вкус, стали эксплуатировать все кому не лень. И в число таких попал его новый друг.

Среди «стариков» был один особенно мерзкий тип – тупой как валенок тракторист из какой-то глухой алтайской деревеньки, неотесанный, дикий, с полным ртом золотых зубов и круглыми навывкате глазами. Вот он особенно полюбил муштровать молодняк. Ну а Виталий, так звали нового друга Дубравина, стал основной мишенью его шуточек. Уже не проходило и дня, чтобы его не вытаскивали из кровати. То он мыл полы в «стариковской» половине, то стоял у тумбочки, пока «старичок»-дневальный отдыхал. А дальше – больше. Чувствуя безответность, хамло стало заставлять его стирать свою куртку, галифе.

Александр видел, как Виталий меняется. Он стал какой-то запуганный, вздрагивал при каждом громком слове. Засыпал на занятиях. Уже получил за это от лейтенанта два наряда вне очереди. Глядя на его красные от бессонницы глаза, на дрожащие руки, Дубравин понимал, что парень не в себе. Может сломаться. И как мог поддерживал его морально. Говорил, что это все временно. Пройдет присяга, и их отправят отсюда в части, а там другие люди и не будет этой скотины.

Им было стыдно обращаться за поддержкой к сержантам, но Александр еще во что-то верил и все-таки преодолел себя.

Сержант пообещал разобраться. И ничего не сделал.

Глухое раздражение, ненависть накапливались в душе Дубравина. И вот однажды, когда после отбоя он пошел в умывальную, увидел там такую картину. Виталий, тонкий, звонкий и прозрачный, стоял перед Мухой, который тыкал ему своей курткой и, шепелявя, приговаривал:

– Шмотри, интеллигент, шволочь, чтобы к подъему шухая была и отглаженная!

Дубравин не выдержал, выхватил у Виталия куртку, швырнул ее в рожу хамлу и, трясясь от злости, выпалил:

– Козел! Гад! Задолбал ты парня! Сам постираешь!

– А ты заступник, што ли? Да я тебя замочу! Живым отсюда не выйдешь! Будешь на карачках ползать здесь передо мной!

– Пошел вон!

«Самое главное – не ударить первым, не сорваться», – все время думал Дубравин.

– Может, не надо, Саня! – умоляюще заговорил Виталий. – Я постираю.

– Не бери! – рявкнул Александр.

– Ну, попомнишь, гад! Не шилец ты больше, – забирая куртку, Муха крутанулся на каблуках и пошел в казарму.

На следующий день после отбоя Дубравин пошел в туалет постирать подворотничок. В умывальной торчало человек десять таких же, как он, молодых солдат. Стирали. Кто – портянки, кто – носки. Он перекинулся несколькими фразами с Виталием, отжал подворотничок и уже возле выхода наткнулся на Муху. Позади него стояло еще четверо «стариков».

– Ну што, молокосос, – завел речь Муха, во весь рот нагло улыбаясь золотыми зубами, – будешь выдрючиваться?

Он думал, Дубравин испугается, стушует. Но тот уже понимал, что перевес на стороне «стариков» и драки не миновать. Поэтому без долгих разговоров, с ходу, прямым заехал в рыло, ободрав руку о золотые зубы. Муха скопытился. Упал прямо на кафельный пол. Дубравин ринулся на него, схватил за горло, начал душить. И тут почувствовал, как со всех сторон его будто стали кусать злые осы. Это «старики» принялись колотить его сверху по голове, плечам и спине. Он оторвался от Мухи и ринулся на окруживших его. Бил в эти ненавистные рожи, пинал их ногами. Но стоило направить ему свои удары на одного, как справа и слева налетали другие. Муха тоже вскочил и бросился на него.

Со стороны это было похоже на травлю быка. Когда несколько тореадоров по очереди втыкают в него бандерильи, а он не успевает отбиваться. Пока он разворачивался под ударами против поднявшегося Мухи, тот успел несколько раз заехать ему справа в скулу под глазом так, что у Дубравина искры посыпались. Только он врезал Мухе сапогом, целясь между ног, как получил сзади сильнейший удар по голове чем-то металлическим, видимо бляхой. Все поплыло перед глазами. Но он не упал, а как-то неловко осел, опустил на одно колено. Голову сверлила только одна мысль: «Не свалиться, не свалиться! Встать!».

Вдруг вся толпа, которая уже собралась вокруг места драки, начала рассыпаться, растворяться. И он услышал в коридоре голос старшины Карненко:

– Що тут происходит? А ну разойдись!

Все исчезли.

Он медленно, с трудом поднялся с колена и пошел к умывальнику.

Карненко зашел в умывальную, подошел к нему, поглядел внимательно сбоку, как он медленно набирает в ладони воду и прикладывает ее к опухающей под глазом щеке. Спросил:

– Що случилось, а?

– Да ничего, – пробормотал Дубравин. – Голова закружилась, товарищ старшина, упал, ударился.

Конечно, Карненко все понял. Покачал головой и сказал:

– Ну-ну, смотри, – и ушел.

Обидно, что никто из молодых, а их в умывальнике в тот момент было намного больше, чем «стариков», не вступился. «Труссы! Рабы! И чего я за них влез? Они хуже этих «стариков». Хуже этого уroda Мухи. Поэтому и достойны, чтобы их били и унижали».

В опустевшую умывальную пришел Муха. Настроен он был примирительно-нагло:

– Ну што, полушил? На «старика» попер! Ты мне шмотри, что сделал, – он приспустил штанину и показал синие полоски на бедрах. Это Дубравин нанес ему несколько ударов носком сапога. – И пуговицы оторвал на кителе. Где-то они здесь. Давай ищи их! Они где-то здесь!

– Чего? – Дубравин завелся с пол-оборота. Встал в стойку, показывая, что он не сломлен и готов снова драться.

Поняв, что строптивый салага настроен решительно, Муха принялся сам искать свои пуговицы. А Дубравин, чувствуя, как надувается левая щека, становясь на ощупь будто резиновая, приложил мокрое полотенце и пошел к себе на кровать.

Виталий не спал. Ждал его. Постарался поговорить, утешить. Но его запоздалые слова поддержки вызвали у Шурки только вздох:

– Каждый сам по себе. Сам за себя. Вот «старики» поэтому и наглеют. Знают, что на их стороне страх.

Утром левая половина щеки вся вздулась, а под глазом налился огромный фиолетовый фонарь.

Через два дня опухоль стала спадать, синяк пожелтел и стал постепенно рассасываться. А вот боль на душе не проходила. В конце концов, он пришел к такому выводу: «Это сейчас

мы еще в карантине, и они побаиваются. То ли еще будет, когда нас распределят в роты? Я, конечно, пахать на них не буду. И тогда либо они меня забудут, либо я кого-нибудь из них убью. Да, другой я себе представлял нашу армию. И какой выход?»

Но, видимо, тот, кто вел его по жизни, придумал для него этот выход. Через несколько дней начальство перед строем объявило, что начинается набор в сержантскую школу в подмосковный город Дубну.

«Пойду туда! – решил Дубравин. – Полгода проучусь. А там стану сержантом, и никто не посмеет назвать меня салагой или черпаком. Да и, может, сюда не надо будет возвращаться».

Так он оказался на пути военной карьеры здесь, в городе, вернее, за городом ядерщиков и физиков.

III

Вариться в коллективном котле – дело сложное. Еще труднее управлять процессом этой варки человеческого материала.

Здесь, в сержантской школе на окраине наукограда, осваивал ефрейтор Дубравин первые навыки управления людьми. Тем более что в армии все без церемоний. Посмотрели отцы-командиры на вновь прибывшее пополнение. Проверили по описи, есть ли у будущих сержантов положенное количество портянок, подворотничков, у всех ли новые сапоги. Ведь деды и дембеля могли отнять и заменить на дырявые, изношенные. Все или почти все оказалось на месте.

Построили новый набор. Капитан Калмыков, командир учебной роты, широкий, как шкаф, рябой, молодцеватый, прошелся пару раз вдоль строя. И ткнул пальцем в каждого десятого. То есть назначил их командирами отделений. В числе «счастливиц» оказался и Дубравин. Тут же, не отходя от кассы, им всем присвоили звание ефрейтора, что по-немецки, называется, значит «освобожденный от некоторых обязанностей рядового». И нашили лычки, или – по-другому – «сопли», на погоны, чтобы они хоть чем-то отличались от других курсантов. И вот хочешь не хочешь, а уже отвечай, командир, за своих разгильдяев. А тут не до шуток.

В шесть – подъем. Подъем, как и отбой, дело тонкое. Начинается с того, что приходит в роту офицер. Дежурный ему докладывает, что да как: «Товарищ лейтенант, за время моего дежурства происшествий не случилось. Дежурный по роте курсант Петров!» Если время подошло, то дневальный орет: «Рота, подъем! Форма одежды номер один!»

И народ, словно горох из мешка, сыплется с кровати вниз в проходы. Стук, треск. За сорок пять секунд надо успеть намотать портянки – тоже наука! – надеть штаны, куртку, сапоги, застегнуться и выскочить на улицу. Поначалу уложиться не удавалось никому. А это значит – будут тренировать. То есть всем придется снова раздеться. Сложить на табуретке свое армейское барахлишко. Все расставить. И обратно в койку. Залез, накрылся одеялом. Ждешь. Дневальный опять орет:

– Рота, подъем!

И опять горох посыпался. Кто-то кому-то свалился на спину. Кто-то перепутал сапоги. Не уложились. Снова тренироваться. И так раз пять за утро. Под конец муштровки самые хитрые лезут в кровать одетыми. А сержант опыт ставит. Спичку зажжет и говорит:

– Она горит сорок пять секунд. Успеете – свобода. А нет – у меня целый коробок.

Обычно к седьмому разу все успевают. В конце концов и этому научишься.

Но настоящие командирские учения у Дубравина начинаются после этого. Потому что ему надо каждое утро со своим отделением убирать плац. А территория поделена так, что его отделению достался самый гнусный кусок. Там, где растут деревья. А соответственно, там падают листья. И стоит только убрать их, как начинают падать новые. Тут-то и выяснилось, что он, ефрейтор Александр Дубравин, никакой не командир. Не умеет командовать людьми. Он неформальный лидер. То есть Шурка, когда жил в своем Жемчужном, мог собрать ребят, повести их в поход, вдохновить какой-то идеей. В армии нужно другое. И популярно объяснил ему это Кабан. Он тоже не захотел ишачить на дядю и подался сюда учиться «на начальника». Но командиром его не назначили. И он принялся отлынивать от работы. Дубравин выводит всех на уборку территории. Сам впереди «на лихом коне» с метлой в руках бьется с опавшей листвой, а Кабан куда-то линяет, досрочно.

В другой раз Кабан просто не вышел на работы. Дубравин кидается его искать и находит в умывальнике, где Кабан уже моется и чистится. Происходит неприятный разговор. Дубравин спрашивает его, почему он не вышел, а Кабан что-то мычит в ответ невразумительное: болен, мол, горло, мол, болит. В такой-то ситуации его надо бы прижать, да попрочнее, а может, и в

морду дать. Но Дубравин, движимый чувством гуманизма и сочувствия, не делает этого. Чем допускает большую ошибку. Ибо скотов и учить надо по-скотски.

«Не мечите бисер перед свиньями», – сказано в Писании. А он стал метать. И тем самым утратил личный авторитет. В результате в отделении началось противостояние – сначала тихое, в виде саботажа, а потом и настоящее. У Кабана появились последователи, которые, глядя на него, стали тоже уваливать от работы, хамить и говорить о том, что «лучше бы Кабан стал командиром».

Дом, разделившийся сам в себе, не может выстоять в бурю. Так случилось и с дубравинским отделением. Однажды, так и не уложившись в срок с уборкой, они ушли на развод. В это же время, пока в роте никого не было, в нее нагрянул «дикий майор». Был в части такой любитель воинского порядка, которого все боялись как огня. Когда «дикий майор», в тот день дежуривший, увидел, что на участке территории роты осталась кучка неубранного мусора, то пришел в ярость, затопал ногами, запрыгал в своих сапожищах и заорал, словно его прижгли сади каленым железом:

– Куценко! Сгною! Последним поездом уедете отсюда на дембель!

А надо сказать, что на самом деле за порядок по уставу должен отвечать не курсант – командир отделения, лицо номинальное, а старшина. Но старшина давно собрался на дембель и свалил все на сержантов. Так что Куценко в это время спал ангельским сном у себя в каптерке. Услышав дикие вопли и проклятия, он, словно гонимый ветром листок, мигом слетел с кровати. И через секунду белобрысый коротышка, красный как рак, стоял перед майором. А тот, брызгая слюной, минут пятнадцать как бешеный орал и дергался на плацу:

– Распустились! Я, бляха-муха, вам покажу, как поддерживать порядок на вверенной территории! Вы у меня на всю жизнь запомните майора Васильца...

Короче, его наезд кончился тем, что в один прекрасный день лычка старшего сержанта Куценко распалась на три части. То есть из старших сержантов его разжаловали в сержанты. А кто виноват?

И Куценко стал искать виноватых в своем унижении. Ну а так как кучка листьев осталась на вверенной отделению Дубравина территории, то гнев старшины обратился против него. Куценко стал раз за разом назначать его дежурным по роте.

Вообще дежурили все командиры отделений по очереди. И дежурство это являлось весьма тягостной обязанностью. Дежурный по роте должен был пересчитать оружие в оружейной комнате, принять его под охрану, выдавать на учения. Принимать обратно. Следить, чтобы оно было вычищено, смазано.

Он же с нарядом наводил чистоту в казарме. А как удержать ее, если сто человек приходит с занятий в кирзаче? Натопчут, натопчут и уйдут. А ты следи. Наряд заливают сотни метров казарменного пола водой. Затем два бойца берутся за длинную металлическую ручку огромной швабры. Третий боец садится на нее верхом, чтобы прижать прорезиненную швабру к полу. И поскакали собирать, стонать в угол грязную воду. И так раз пять в день. Старшина называл это действие «вести интенсивную половую жизнь».

Это днем. А ночью дежурный должен бдить, чтобы никто не сбежал в самоход. Чтобы дневальные вовремя менялись в казарме, не сидели на тумбочке. И вообще не уходили с поста. Потому что опять же может нагрянуть дежурный. Тогда все сначала.

Да еще надо с нарядом в столовой обед получать. Да расставлять по столам посуду и бачки с борщом и кашей. В общем, вертится сутки дежурный как белка в колесе. За это ему ничего не полагается. Отдежурил – и на занятия, как все. Оклемаешься за пару недель.

Но оклематься Александру Дубравину не давали. Он отдыхал один день, а через сутки его снова ставили на дежурство.

Дубравин не роптал. Он чувствовал себя виноватым за то, что старшину понизили в звании. А маленькому, злобному, мстительному гаденышу страшно нравилось показывать свою власть.

Вообще, армия – идеальное место для ущербных людей. Где еще молодой сопляк с амбициями может получить абсолютную власть над такими же, как он сам, а зачастую и лучшими, чем он, ребятами?

Собираясь в курилке в перерывах между занятиями, курсанты часто обсуждали эти вопросы. С особенным интересом беседовал Дубравин с одним таким же, как он сам, командиром отделения Анатолием Поляковым. Тот был старше всех пацанов в роте. Ему уже стукнуло двадцать пять. И житейского опыта у него накопилось побольше.

– Почему ты стараешься изо всех сил, а дело у тебя не идет? – спрашивал он Дубравина. – Да потому что не организовано у тебя все, как надо. Все ты хочешь делать по уставу. А так не получается. Во-первых, нужно, чтобы у тебя в отделении была опора. Вот посмотри, как у меня все построено. Мой главный помощник по хозяйственной части – вот он, – Поляков показал на толстого, рыхлого хохла, похожего на солдата Швейка. – У него все схвачено. Видишь, он веники готовит к уборке. Они у него свои. Сложены в отдельном закуте. А у тебя кто отвечает за заготовку веников? Никто! Вы берете, что останется в роте. А в роте тоже не дураки. Рас-таскивают утром еще до подъема. Ну, соответственно, я его от всех других работ освободил. Если кого надо в наряд, то он никогда не идет. Только уборка территории. Специализация. И поддержка. Всем мил не будешь. Своим надо давать послабления... А у тебя что? У тебя внутренний раздрай. Оппозиция образовалась. А ты фактически один. Без поддержки. Вот ничего и не получается. Костяк надо иметь. Опору среди людей.

Из этих разговоров в курилке Дубравин многое понял. Понял и главное – власть над людьми не дается. Она берется. Даже в их микроскопическом коллективе. Но тот момент, когда надо было ее взять, и взять твердо, уже был упущен. И теперь ефрейтор Дубравин вынужден вести бой за эту самую власть с Кабаном. Изнурительная работа. Если еще учесть, что сам он попал под пресс старшины.

Когда прошло две недели такой жизни – «через день на ремень», – он стал ощущать какую-то смертельную тоску и усталость. В голову полезли разные мысли: «Вот выйду на дембель. Буду идти по улице, встречу старшину. И изобью его, как собаку, до полусмерти». Или того лучше: «А не взять ли мне во время очередного дежурства автомат? Заныкать патроны. А ночью пойти в каптерку, приставить к башке Куценко ствол и заставить его, суку, ползать на четвереньках. А потом застрелить на хрен. И делу конец». И по мере того, как таяли силы, росли усталость и раздражение, Дубравин находился все ближе и ближе к этому решению. Он понимал, что это конец всему: карьере, надеждам, будущему. Но уже чувствовал, как неодолимая рука судьбы вела его по этой дороге.

Он уже заныкал три патрона и постоянно носил их в кармане, ожидая случая.

Но Бог не выдал, свинья не съела. Какая-то сила вмешалась в ход событий. Командир роты капитан Калмыков на третьей неделе заметил, что дежурным снова заступает ефрейтор Дубравин.

– Почему снова ты? – спросил он его на разводе.

– Не знаю, – ответил Александр. – Так старшина ставит постоянно, – при этом голос его дрогнул, а к глазам, давно уже красным от недосыпания, подступили слезы.

– Понял, – ответил Калмыков. – Иди служи. Эй, дневальный! Позови-ка ко мне старшину.

Через пятнадцать минут «отодранный» старшина вылетел из кабинета командира роты. Больше Дубравина дежурить вне очереди не ставили. Гроза миновала.

Заветные патроны он расстрелял на стрельбище.

IV

Запертые в казармах молодые, в самом соку, люди, лишённые какого-либо женского общества, предоставленные сами себе, естественно, находились в сильнейшем сексуальном напряжении. И это напряжение, а также общая скученность, отсутствие какой-то высокой цели давали о себе знать частыми вспышками раздражения, ненависти и насилия. Если в линейных частях, где были увольнения, а во многих ещё и самоходы, проблема сексуальной неудовлетворённости как-то ещё снималась, то здесь, в сержантской школе, где они были заперты наглухо, все обострилось до крайности.

Среди курсантов ходили разговоры о том, что в обед им подливают какие-то химические вещества, «то ли бор, то ли хлор», которые снижают желание и половую потенцию. Но так ли это было на самом деле, никто не знал. Судя по тому, как по ночам скрипели пружины на вторых этажах коек, «хлор и бор» помогали плохо. Дубравин мучился, как и все. Несмотря на постоянную занятость, на спорт, все равно мысли о женщинах терзали его целыми днями. А уж по ночам был полный простор для солдатского воображения. Сексуальные фантазии для него, если честно сказать, были ещё и способом оторваться от действительности, настолько будничной и однообразной, что можно было сойти с ума. Здесь – серые солдатские будни, тупой, однообразный распорядок дня. А там – в свободном плавании сознания – красота и жизнь.

Так что вечером, укладываясь на жесткий солдатский тюфяк в свой «конверт» под байковым одеялом, он решал: «Сочиню-ка я историю о городе Лондоне. Пусть там будет школа секса. А я, например, буду молодым миллионером, который приехал туда на обучение». «И вот уже все плывет и пенится. Самолет преодолевает облачный покров и стремительно снижается на бетонную полосу аэропорта «Хитроу», четко касается ее колесами, и красавица стюардесса с улыбкой сообщает, что они уже на британской земле.

Молодой, семнадцатилетний, миллионер выходит на трап, где его уже встречают молчаливый водитель и стройная фигуристая женщина лет тридцати пяти – сорока. Они подходят к нему, и она протягивает руку:

– Миссис Грей, директор вашей школы.

– Александр Дубравин, – церемонно отвечает он, передавая водителю свой небольшой чемоданчик.

– Ваш отец, мистер Дуброффин, – говорит англичанка, – поручил нам ваше сексуальное обучение. Впереди у вас большая жизнь, карьера. И он хотел бы, чтобы вы могли наслаждаться этой жизнью, как он сам говорит, по полной программе, получая высшее наслаждение от общения с женщинами разных типов и народов».

Дубравин оторвался на секунду от сочинения своего сексуального романа. За окном спал военный городок, мирно светили звезды. Свистели в садочке рядом птицы. Тоска зеленая. И мрак. Он опять погрузился в мир фантазий.

«Замелькали за окном машины, дальние пригороды Лондона. Маленькие чистенькие домики на зеленых лужайках. Они быстро проносятся мимо них по дороге, обсаженной деревьями, тихо покачиваясь на задних кожаных сиденьях мощного «Роллс-Ройса». Но вот впереди показывается красивая черепичная крыша старинного особняка.

– Наша школа, – произносит миссис Грей.

Машина останавливается у белой высокой лестницы.

– Сейчас мы разместим вас, а потом за завтраком я познакомлю вас с персоналом.

Горничная в белом переднике и бантах проводит мистера «Дуброффин» в его апартаменты, состоящие из четырех шикарно обставленных комнат. Сашка принимает душ и выходит на балкон. Зеленые поля и лужайки простираются перед дворцом. Он вглядывается вперед

и видит шикарную аллею каштанов, цветущую дурманом сирень и чистые песчаные дорожки, ведущие далеко-далеко.

Вскоре за ним приходит миссис Грей. Она присаживается на диванчик. Через минуту горничная приносит им завтрак на серебряном подносе. Здесь французские булочки, масло, чай, кофе, тающие во рту круассаны, яичница из трех яиц. Миссис Грей, отпивая маленькими глоточками черный кофе, рассказывает программу:

– Наша задача – научить вас наслаждаться любовью неограниченно долго в любом месте и в любое время. Уметь доставить наслаждение себе множеством способов. Вам будут помогать осваивать это наши девушки.

Она хлопает в ладоши. Дверь столовой приоткрывается, и в комнату входит шикарная красавица в русском наряде. На голове кокошник. В руках букет из ромашек и васильков. Она приседает, приветствуя. Представляется: «Таня!» – и выходит.

Следом появляется другая девушка, в короткой мини-юбочке и беленьких гольфиках. Она выглядит совсем юной. Просто девочкой-десятиклассницей.

– Это наша гордость – Мэри, – произносит миссис Грей. – Ее мастерство не знает себе равных. Подойди сюда, Мэри. Присядь с нами. Я думаю, тебе нужно сегодня снять напряжение у господина Александра.

– Да, мадам, я постараюсь, – опустив глазки вниз и лукаво глянув на него, отвечает Мэри.

– Ну, пойді подготовься! – сказала миссис Грей.

Только за Мэри закрылась дверь, как в комнату влетела тоненькая, длинная и грациозная негрятяночка и остановилась на пороге.

– Вы меня звали? – по-английски с акцентом спросила она.

– Это Сьюзен, наша красавица. Она из Южно-Африканской Республики. Горячая, страстная, как героиня африканского эпоса...

Дубравин чувствовал огромное возбуждение. Но ему хотелось продлить это сладкое, мучительное напряжение.

– Сьюзен мастерски работает язычком. В ее племени женщины умеют возбуждать мужчин самыми разнообразными способами. Ее конек – работа ресницами, она вам покажет, как это делается. Я покину вас на некоторое время, – сказала миссис Грей и выскользнула за дверь.

«Следующая серия будет завтра», – подумал ефрейтор, засыпая.

V

Выстроилась модель жизни. Но жизни особенной, не естественной, а как-то по-особому извращенной, спрессованной жестким распорядком, расписанной на кубики-дни. Все вроде бы как на гражданке.

Вот спорт, который сам по себе везде одинаков. Культивировался он и в армии. Но только почему-то один вид – бег.

Утро. Вскочили и побежали. Ежедневно на спортивных занятиях тоже бегали. То полосу препятствий преодолевали, то какую-нибудь дистанцию. Сдавали зачет. Ну а по воскресеньям, естественно, в качестве отдыха в распорядке дня им предлагался марш-бросок или кросс километров этак на шесть. Да что по воскресеньям! По субботам они ходили в город в баню, так как своей в части не было. Процесс, конечно, смешной. На всю помывку, а велась она повзводно, отводилось полчаса. Затем должна была заходить следующая партия. Сержант Винник строил их, и они, освеженные, после баньки шли назад в городок. Начинались шуточки-прибауточки, разговорчики в строю. Пресекались они обычно очень простым способом. Сержант Винник подавал команду:

– Бегом марш!

И взвод в клубах пыли мерно начинал забег.

Минут через десять переходили на шаг. И таким вот образом они быстро преодолевали два километра цивилизации и соблазнов.

«А увольнения? Увольнения как же?» – спросит осведомленный в военной службе читатель. Бывали и увольнения. Но преподносились они так, будто ребята шли не в город за забор, а отправлялись в неведомую страну или космическое путешествие. Да и не любили отцы-командиры отпускать курсантов, будущих младших командиров, в увольнения. Боялись. Ведь Дубна – это город высокой культуры, где проживает научная элита.

Это вообще уникальный город, резко отличавшийся от других городов Советского Союза. Среди болот, на берегу Беломорканала, в подмосковном лесу в середине пятидесятых как грибы после дождя стали расти дома. В стране, где после войны девяносто процентов горожан жили в коммуналках по пять человек в комнате, вдруг вырос отдельный коттеджный поселок для научной элиты не только своей страны, но и стран-сателлитов. Здесь в Объединенном институте ядерных исследований работали мировые знаменитости, сюда приезжали делегации, здесь люди занимались управляемой ядерной реакцией.

Ну, соответственно, и быт их был налажен на мировом уровне. Курсанты часто, шагая на полевые учения, видели, как по каналу гоняли на водных лыжах за быстроходными скутерами ученые люди. С завистью следили за их пируэтными прыжками. Наблюдали в бинокли из леса нарядную толпу на берегу, слышали музыку. Более того, летом самолеты посыпали окрестные леса, а заодно и вояк наших какими-то химикатами. Это чтобы ученых людей не беспокоили комары.

Но то комары, а вы представьте себе, что на улицы этого уютного, тихого, небольшого научного города выпускают в увольнение, к примеру, тысячу молодых солдафонов, одетых в хлопчатобумажную военную форму. Ведь солдату в увольнении что надо? Выпить втихаря, найти девчонку, подраться с кем-нибудь из местных.

Поэтому выпускали очень редко. И помалу. Чтоб пейзаж и воздух кирзой не портили. А тех, кого выпускали, уж так мотали, так мотали, что и не рады они были. Выдавали парадную форму. Затем эту форму гладили, утюжили. Потом увольняемого инструктировал старшина. Угрожал. Вел к командиру роты. Тот тоже пудрил мозги: смотри, мол, если что – посажу на «губу» и будешь там сидеть до «мартышкиного заговенья». Затем всех увольняемых собирали вместе. И мораль читал уже дежурный по части. Естественно, в том же стиле: «Посажу!

Разорю! Негодяи, подонки! В прошлый раз отличились. Если кто опоздает из увольнения, тому не видеть больше белого света. Сгниет на полах! Я вам покажу половую жизнь!»

После этого им выдавали отпускные бумажки. И выпускали за ворота часов так на семь-восемь. Гуляй, рванина, в культурном месте.

Но что мог солдат в чужом городе и при ограниченных материальных и временных ресурсах? Побродить по улицам, поудивляться чужому, нерусскому быту наукограда. Купить мороженого в киоске да сходить на дневной сеанс в кино – и обратно в свою нору, в койку.

Местное население на таких пришельцев тоже поглядывало косо. Город закрытый. Пускали только по пропускам. Они чувствовали себя элитой, кастой. А тут какие-то солдаты непонятные бродят. Ах, как бы чего не вышло!

* * *

Все на свете когда-нибудь кончается. Сержантская школа заканчивалась экзаменами, которые можно было условно назвать выпускными. Принимали их так. Преподаватели – по специальности: как соорудить дот, дзот, блиндаж, устроить мост, наладить переправу. Строевые офицеры – огневую, строевую подготовку, уставы, порядок службы.

Естественно, все роты хотели занять первое место в полку. И топили «чужих». А так как на промежуточных экзаменах десятая рота заняла первое место, то ей доставалось больше всех.

Господи, до чего человек может быть увлечен всякой ерундой. Одной лычкой больше, одной меньше. Что это значит по-настоящему в жизни? Ровным счетом ничего. Однако люди рвали попу.

Дубравин тоже старался изо всех сил. Он хотел остаться здесь, в учебке, замкомвзвода. А для этого надо было получить все пятерки. Сдавший на «отлично» получит звание сержанта и право выбирать место службы самостоятельно. Остальные станут младшими сержантами и поедут по своим частям.

Сегодня строевая. Принимает ее майор Петухов. Красавец мужчина, говорят, попавший сюда за какие-то грехи из кремлевского полка. Ну и, соответственно, большой знаток и любитель шагистики и всяких штучек, продельваемых с карабином. Он никому никогда из принципа не ставит пятерок. Но Дубравин – сильный, красивый, рослый парень – не боится. Строевая ему нравится. Он быстро и четко усвоил упражнения с оружием и без оружия. И уверен в том, что сейчас не ударит лицом в грязь.

Экзамен начался с построения у казармы. Раздается команда:

– В две шеренги становись!

И видно, что шесть месяцев не прошли зря. Двадцать секунд – и из рассыпанной по плацу массы образуются плотные квадраты взводов. Каждый знает свое место, свой маневр.

– Шагом марш!

И эта слитная живая масса одним шагом начинает движение к плацу. Быть в строю – незабываемое ощущение. Каждый словно становится частицей общего. И словно уже не люди с разными характерами и мыслями, а мощная, отлаженная машина, единое целое издает этот равномерный четкий звук. Нет ни разброда, ни шатания, ни топота отдельных ног. Слышно только: чок-чок-чок. Печатают асфальт кирзовые сапоги.

Отстроились на плацу. И пошел экзамен по строевой. Подойти к начальнику. Отойти от начальника. Подать команду. Упражнения без оружия. Потом с оружием.

И уже через двадцать минут ясно, что у Петухова не побалуешь. И пролетает их рота как фанера над Парижем. Петухов режет всех без ножа. Так, что из двадцати отличников учебы к концу экзамена не остается никого.

Вот подходит очередь сдавать еще у одного отличника. Дубравина.

Голос у него мощный, сильный, но главное даже не это. Важно, чтобы, отдавая приказ, командир как бы передавал свою волю. Настрой. Уверенность. Можно и негромко, но так рыкнуть, что люди сразу поймут, что к чему, и повинуются.

Дубравин так и делает:

– Взвод, равняйся! Смирно! Равнение налево!

И шагает на доклад. Да как вышагивает! Петухов аж улыбается в свои гусарские усы:

– Ну ты даешь, курсант! – и, остановив его, обращается к взводу: – Вот так надо командовать! Молодец, курсант! Ставлю пять...

Единственная пятерка по строевой в их взводе.

Капитан Калмыков, расстроенный таким поворотом событий, ходит хмурый и злой.

Но Дубравин доволен. Он сдал на все пятерки и теперь имеет полное право выбрать себе место службы.

Но не тут-то было.

Последний экзамен – по боевой подготовке. Штатное оружие у них автоматы, пулеметы Дегтярева. Так что когда они по всем правилам инженерного искусства быстро окопались, отстрелялись и вернулись в казарму, то нашли уже вывешенные результаты экзаменов. Дубравин глядел на вывешенный листок и не верил своим глазам. У него, единственного круглого отличника во взводе, стояла четверка по строевой.

Это был удар под дых. А когда он обнаружил, что у Кабана стоят все пятерки, то, конечно, сразу кинулся к Калмыкову.

– Товарищ капитан! У меня же были все пятерки! А теперь в ведомостях я что вижу?

Калмыков, который еще имел совесть, смутился:

– Да, нехорошо получилось с тобою. Я разберусь.

Но день пролетел мимо. Они уже начали потихоньку собираться в дорогу. А потерянный Дубравин ничего не мог понять. Еще больше он расстроился, когда вечером на поверке зачитали, кого и куда распределили. Ну, его, естественно, отправили обратно в Новосибирск. Но Кабан! Кабан?! Оказалось, он получил сержанта и остается замкомвзвода здесь, в Дубне. Его пятерку отдали Кабану. Кто-то договорился с Петуховым. Может быть, и сам Калмыков.

Тут он понял еще одну простую истину: умные и порядочные никому здесь не нужны. Наглые, нахрапистые, те, которые будут орать и держать людей за горло, – вот кто нужен армии.

* * *

«Голубой вагон летит, качается, скорый поезд набирает ход», – напевая под мотив этой песни, ехали в купе на четверых «чебурашки ушастые» – сержанты – обратно в свою Сибирь.

Александр Дубравин молча глядел в окно, где уже привычно мелькали столбы, проносились деревни и деревья. По мере движения с запада на восток менялась природа, менялись люди.

«Господи! Какая огромная, неухоженная страна, – думал он, разглядывая бесконечные перелески, поселки. – Странная у нас история. Вроде своей земли завались, а нас все тянет и тянет в чужую. Хотя, наверное, когда заходит разговор о наших амбициях, о том, что Советский Союз хочет завоевать весь мир, надо показывать таким крикунам вот эти бескрайние поля и леса. И тогда, увидев это, они поймут, что нашему народу по большому счету больше земли и не нужно. Эту бы обустроить, обиходить».

VI

Картина Репина «Не ждали» вспомнилась младшему сержанту Дубравину в тот момент, когда они оказались в штабе родной части. Старшина-«кусок», который ранним осенним утром привел их сюда, в низкое, казарменного типа здание с небольшой черной блестящей вывеской у входа «В/ч 42641», доложил дежурному о прибытии и отпустил команду покурить. Ушастые сержанты-«чебурашки» разбрелись по пустынным коридорам. Дубравин с сержантом Ашиным, маленьким, пухлым, но с очень красивым беленьким личиком рязанским пареньком, вышел на площадку возле штаба, украшенную зелеными плакатами с бравыми донельзя солдатами и сержантами. Плакаты показывали неучам образцы военного этикета: как отдавать честь на ходу, как приветствовать подходящего, уходящего или стоящего воинского начальника.

Они присели на зеленой скамейке, поставили рядом рюкзаки и молча наблюдали за происходящим на асфальтированной площадке для разводов караула.

Настроение у Александра Дубравина было поганое. Сейчас он стоял перед перспективой попасть на должность командира отделения в инженерных войсках либо, самое лучшее, замкомвзвода в расположенном в этом же гарнизоне строительном батальоне. Об этом им уже поведал дежурный по части – здоровенный обалдуй лейтенант Перфильев: «Лучших отберут в наш полк, а остальных, на кого вакансий не хватит, передадут в стройбат».

В военные строители попадал самый захудалый контингент призывников: бывшие заключенные, недоучки, с проблемами по здоровью. Они работали на стройках и имели с этого какие-то копейки. Инженерные войска занимались тем же самым, но бесплатно. Как говорится, в одной руке – лопата, в другой – автомат, так что перспектива, рисовавшаяся перед сержантами, выражалась в простой народной формуле: «Два солдата из стройбата заменяют экскаватор».

– Ну и на хрена мне это надо? – сидя на скамеечке, перекантовываясь до прихода на работу командира части, бормотал Дубравин. – Для этого я пошел в армию? Чтоб офицерам и генералам квартиры и дачи строить?! Я вообще-то собирался, худо-бедно, Родину защищать. Присягу принимал. Ну, что делать? Что делать-то будем?

У него было такое ощущение, что все его помыслы, мечты и желания кто-то, кто руководит его судьбой, быстро-быстро разбивает о действительность. А ведь и правда! Хотел поступить в училище после школы – вдруг подвернулись эти чертовы чечены. Пришлось делать ноги из дома. Во второй раз почему-то забраковала медкомиссия. Решил попробовать после сержантской школы – опять облом. Все порушили экзамены. Может, это не для него? Да ну, глупости какие-то! Надо только приложить усилия, и все получится. Время есть. Желание не остыло.

– Но одно дело – если я, например, подам заявление в училище с должности строевой, как в сержантской школе, и другое – если со строительной, – вслух промолвил он и с тоской посмотрел на военных строителей, которые, нахохлившись, шли по улице военного городка в своих грязных, замызганных бушлатах, валенках с галошами, с ремнями на яйцах. Сморщенные, небритые, обмороженные лица, лопаты на плечах. Рядом со строем бредет старший сержант, погоняло: сапоги-гармошки, офицерская шапка на бровях, руки в карманах.

Дубравин аж весь ошетинился, увидев свое будущее. Вот так же и он будет брести с этой разгильдяйской толпой полусолдат-полурабочих, больше похожих не на воинов самого могущественного государства, а на пленных немцев под Сталинградом. В лучшем случае – на партизан.

В общем, куда ни кинь – всюду клин. Да и Галине что писать-то? Она все спрашивает: «Где ты будешь служить? Пришли фотографию». А что он пришлет? Что пришлет-то? Свой портрет в интерьере унитаза, который только что выставили его подчиненные? Да, «приятная»

перспектива вырисовывается. Командовать шайкой разгильдяев и самому постепенно скатываться в этот ряд. Плохо!

Он достал последнее письмо, пришедшее две недели тому назад:

«Здравствуй, с добрым днем.

Никак не могла собраться с мыслями. Извини за долгое молчание. Я ведь теперь живу в другом месте. Скоро снова сессия. Быстро летит время. Ужасно хочу тебя видеть.

Когда иду с тренировки поздно вечером, кругом столько влюбленных, просто на удивление. Никогда не видела так много. Читала недавно дневник. Все-таки ты гораздо лучше, чем пытаешься из себя изобразить. Ведь это правда. Я хочу тебе написать много хорошего-хорошего, чтобы ты шел по улице и всем улыбался. И сказать многое нужно, сколько накопилось за это время необычного. Я хочу, чтобы на твой день рождения шел дождь. И я пойду бродить по лужам и думать о тебе.

Как чудесно все кругом!

Почему-то не могу тебе писать большие письма. А у Валушки прямо целые сочинения.

Слышишь, я желаю тебе счастья. Это не листья шелестят. Это я шепчу тебе: счастья.

Твоя Галка.

Когда я отправляла письмо, Людка вложила в него записку. Даже не знаю, что она там написала».

Записка лежала тут же. Но никакого сообщения она не содержала. В ней просто были чьи-то стихи:

Пролетают журавли в небе синем
И кричат мне с высоты твоё имя.
Солнце ясное встает: твоё имя.
Ветер песенку поет: твоё имя.

Хмурый дождь стучит в окно: твоё имя.
В моем сердце лишь одно: твоё имя.
Роза алая в цвету: твоё имя.
Будет грусть в глазах молчать: твоё имя.

Ночь дрожит в кошмарном сне: твоё имя.
Лишь одна звезда во тьме: твоё имя.
Я обнять хочу любя твоё имя,
Как мне грустно без тебя...

В раздумьях прошли полчаса сидения. В штабе вдруг ни с того ни с сего началась бурная жизнь. Забряцал снимаемый с оружейной комнаты замок. Раздается зычный голос лейтенанта Перфильева:

– Караул, строиться!

На уставленную плакатами площадку один за другим выскакивали бойцы. Все отутюженные, отглаженные, с новыми подворотничками, с оружием в позиции на ремне. Он почувствовал даже некоторую зависть: все-таки хоть их и не любят, но они заняты службой. Наводят порядок. И у них самих какой-никакой порядок. «А может, и мне пойти в комендантский взвод? А что? Это идея. И для училища хорошо. Узнаю эту сторону армейской службы». Он еще раз представил себя на месте бредущего рядом со строем полудохлых военных строителей сержанта и снова ужаснулся открывшейся перспективе.

– Не, я пойду другим путем.

К штабу подкатил зеленый «козелок» командира. Рысью навстречу ему поскакал дежурный. Раздался его крик:

– Полк, сми-и-ирно!

«Точно, надо подать командиру рапорт с просьбой зачислить меня в комендантский взвод», – вставая по стойке смирно, окончательно решил Дубравин.

VII

Специальный пассажирский поезд Усть-Каменогорск – Москва, вяло постукивая колесами, медленно подвигается к столице. Одна за другой проплывают мимо окон остановки электричек, и вот, наконец замедляясь, бежит перрон Казанского вокзала.

Анатолий Казаков жадно вглядывается в панораму города. Не так давно он по заданию вылетел отсюда в Казахстан. А теперь возвращается обратно. Всего месяц. Но какой! Он побывал в Алма-Ате. Повидал наконец своего друга Амантая. Встретился с Жемчужным. И теперь вместе с делегацией уважаемых молодых людей, среди которых почти все активисты-общественники, но есть даже несколько освобожденных комсомольских работников, едет в Москву посмотреть Олимпийские игры. Такое, возможно, выпадает ему первый и последний раз в жизни. И все благодаря друзьям из комитета.

В этой поездке все как-то не совсем обычно. Во-первых, на подъезде к Москве поезд проверяли работники милиции и люди в штатском. Во-вторых, перрон Казанского вокзала сегодня оказался почти безлюдным. Несколько носильщиков с бляхами да пара встречающих их девушек из «Спутника» в синей форме, а в руках – таблички с названиями областей.

Когда они дружной молодежной толпой вываливают на платформу со своими нехитрыми пожитками, садятся в новенький и по понятиям советского времени роскошный «Икарус», Анатолий вдруг понимает, что он попал в какой-то другой, неведомый ему город. Где толпы народа у метро? Где гигантские очереди «мешочников», ждущих открытия магазинов? Куда подевались московские дети?

Он, конечно, знал, что Москва будет зачищена от диссидентов, фарцовщиков, проституток, алкоголиков и бомжей. Но в реальности город просто опустел. Больше миллиона москвичей отправили в отпуска, на дачи. Всех детей (чтоб не кланчили жвачку, что ли?) сплывили в пионерские лагеря, а студентов – в стройотряды.

«Все предусмотрено, – думает он, разглядывая одетых в белые форменные рубашечки культурных милиционеров, то и дело мелькающих на улицах. – Сто пятьдесят тысяч таких белорубашечников завезли со всей огромной страны в Москву на эти две недели. А сколько наших здесь? Никто и не сосчитает. Даже из областей вместе с делегациями едут такие, как я, секретные сотрудники спецслужб».

Автобус подкатывает к их студенческому общежитию.

«Вот так дела! Я буду проживать в своей же общежитии, что ли?»

Но и студенческое общежитие, в которое он сейчас входит, сильно отличается от того, в котором он жил весь прошлый год. Куда-то делся с вахты вечный хромой сторож дядя Вася, готовый за бутылочку пропустить на ночевку в гости веселую компанию. Нема его, нетути. Расстворился в воздухе олимпийского города. Сидит теперь на вахте подтянутый и немногословный молодой человек, не поймешь откуда. И так вежливо, но настойчиво требует пропуска. И очень внимательно вглядывается в лица, то ли запоминая, то ли сравнивая с кем-то постояльцев.

Ба! Все отремонтировано. В коридорах новый линолеум, в туалетах не обшарпанные, без седушек ветераны унитазного труда, на выщербленные края которых, как петухи на насест, взбираются студенты, а белые фаянсовые лебеди. В комнатах чистые обои без винных следов и кровавых пятен от раздавленных клопов. И мебели. Новые мебели! Куда-то улетели койки с пружинными сетками, которые под грузом студенческого тела вытягиваются так, что хозяин едва не достает задницей до пола. Вместо них строгие, как солдаты, деревянные кровати с жесткими матрасами и шерстяными одеялами. Заправленные твердой рукой. Нету и застиранных, с прогрызанными в прачечной дырами наволочек и каменных подушек. Все белье цветастенькое и новенькое.

В бывшей студенческой столовой, где можно было пообедать на талон за тридцать пять копеек, получив по нему «суп тритатуй – кому мясо, кому... не балуй», а в придачу гороховую «музыкальную» кашу, Анатолий и вовсе остолбенел. Больше всего его потрясли не пластмассовые новенькие беленькие столы и стулья, не чистые до голубизны колпаки и передники поваров, а упакованное в тридцатиграммовую обертку сливочное масло. А также мармеладные кубики.

И всего много. Бери сколько хочешь. Бесплатно.

А называется «шведский стол».

Он расположился в большой комнате с двумя такими же туристами. И позвонил Маслову доложить о прибытии и получить инструкции на дальнейшие действия. Маслов, видимо, был загружен по самое не могу. Быстро выслушав его рассказ, он ответил:

– Сейчас встретиться не получится! Поэтому ты обратись к дежурному по общежитию. Это наш человек. Установи с ним порядок контактов. Располагайся. Перезвони мне через... – он на мгновение замолчал, видимо заглядывая в ежедневник. – В восемнадцать ноль-ноль, – и положил трубку.

Казаков даже слегка обиделся. Как ни крути, он все сделал, как надо. Приехал, хотел рассказать, что да как. Ну да ладно. Все равно надо отработать как следует. И Анатолий направился разыскивать дежурного по общежитию.

Нашел его в комнате с табличкой «Оргкомитет». Чего там был оргкомитет, не знал никто. Да, в сущности, это никому и не интересно. В помещении сидел молоденький спортивный парень с самой обычной, заурядной внешностью. Казаков уже знал, что в учебные заведения комитета никогда не возьмут на работу человека с какими-то особыми, выделяющими его из толпы приметами. Судя по всему, этот паренек не так давно выпустился из училища. И был старше Анатолия не более чем года на три. Поздоровались. Анатолий подчеркнул, что он приехал из Усть-Каменогорска по поручению Маслова. Парень понимающе кивнул. И записал его в свой оперативный блокнот. ФИО, комната, откуда приехал. Потом, слегка важничая, постарался ввести в курс оперативной обстановки:

– Олимпиада идет уже неделю. Группы, которые приехали на открытие, убывают по местам. Сейчас подъезжает народ на вторую половину. В целом обстановка нормальная. Под контролем. Хотя не бывает без проблем. Город поделен на зоны безопасности. «Желтая зона», «Красная зона»... Бывают какие-то инциденты. Духи пообещали разделаться с командой Афганистана. Так что в Олимпийской деревне наши работают везде. На входе каждые полчаса проверяют каждую урну, каждый шкафчик. Кругом видеокамеры. Все на чеку. Да, в общем, сам увидишь. Вот тебе мой телефон. Если что, звони, – и, не выдержав собственного официального тона, подмигнул: – Оттягивайся! Здесь классно.

Анатолий вышел от него и попал прямо в холл, где ведущая тургруппы раздавала билеты на разные соревнования. Вся толпа хотела посмотреть боксерские поединки, где уверенно пробивался к финалу Серик Конакбаев из Алма-Аты. И где великий Теофило Стивенсон должен был вот-вот завоевать олимпийский титул третий раз подряд.

В принципе ему было по барабану, что смотреть. Все по-своему интересно и здорово. Поэтому, памятуя о поставленной задаче приглядывать, он выбирал те соревнования, на которые могли пойти люди из его группы, казавшиеся чересчур отвязными, назойливыми или слишком общительными. Главным было контролировать нежелательные контакты с иностранцами. Легко сказать. Их на Олимпиаде за пятьсот тысяч. И ходят они по тем же улицам, сидят на тех же трибунах, обедают в тех же кафешках, где пьют пиво его подопечные из Усть-Каменогорска. А если среди них есть антисоветчики, нераспознанные враги? Появятся связи, начнут передавать литературу. Бди, товарищ! В общем, тотальный контроль при кажущейся свободе.

Билеты красивые, как деньги. Из плотной хрустящей бумаги: сверху красная полоса, посередине узкая зеленая, снизу широкая светло-голубая. Пиктограмма показывает вид

спорта. Рисунок – Большая арена стадиона имени Ленина. Указаны время, трибуна, сектор, ряд и место. Цена – двенадцать рублей, а внизу написано: «Скидка – семьдесят процентов».

А уже вечером он сидел на трибуне и смотрел, как по покрытой тартаном дорожке мчится наш квартет бегунов.

Странное дело: занятый своей миссией, он особо не задумывался о смысле и значении Олимпиады. И только сейчас, забравшись на трибуну, устроившись среди беспечной публики в чудном зеленом пластмассовом креслице, Казаков вдруг осознал, что дело здесь нешуточное. Важное для самочувствия и самопонимания всей большой страны и народа. Так что, когда наша четверка победным вихрем промчалась по арене, он вместе со всеми ощутил невероятную гордость за свою Родину. И, охваченный общей волной ликования, тоже вскочив с кресла, завопил:

– Ура! Молодцы, ребята! Ура!

А сам все поглядывал, косил взглядом на иностранцев. Как, мол, вам? Знай наших!

Наряду с гордостью за своих, за свою страну он чувствовал, как быстро исчезает барьер между нашими людьми и иностранцами. Все эти обмены сувенирами, значками, совместные переживания по поводу побед и поражений, беседы по душам на трибунах быстро разломали стереотип, который годами выстраивала пропаганда с обеих сторон.

Сначала он с некоторым недоверием и опаской относился к французам, немцам, англичанам, массово приземлившимся в Москве, потом глядел на них с любопытством, а потом... потом привык. Они для него стали такими же обычными людьми, как и он сам. И вот это чувство, с одной стороны, гордости за своих, а с другой – какого-то общечеловеческого братства, общности всех людей и народов – это ощущение особенно ярко проявилось для него в одном эпизоде.

Шли соревнования по прыжкам в высоту среди мужчин. Наши, советские, быстро сошли на нет. Остался один на один с планкой немец из ГДР. Высота – далеко за два метра. Мировой и олимпийский рекорд. Первая попытка.

Сбил планку. Чуть-чуть недолетел.

Вторая.

Стадион – сотни тысяч людей – затаил дыхание. Разбег, толчок. И...

Два двенадцать не покорились. Стадион выдохнул как единое огромное существо. Гул разочарования.

Неужели не удастся?

Долгая подготовка к последней попытке. Хождение туда-сюда. Обтирание полотенцем. Жара.

И вдруг... Рывок туда, к планке. И полет! Полет! Воспарил спиной над планкой.

Руки вверх. Крик. Такой, что взлетели испуганные голуби в синее небо.

– А-а-а-а! Победа!

Весь стадион как один вскочил. Заорал. Все давай обниматься, целоваться. Слезы. Катарсис!

В эту секунду Анатолий вдруг почувствовал, что это не немец взлетел над планкой. Не еще одна золотая медаль нашла своего хозяина. Это общая победа всех людей. Это они все в лице Векслера – кажется, так его звали, того чемпиона, – преодолели эту планку. Поднялись еще чуть-чуть над собою, преодолели себя.

Потом, через десятилетия, когда давно забылись победители и побежденные, это безошибочное ощущение всечеловеческого братства, общности жило в нем. И грело душу.

Когда-то основатель современных Олимпийских игр барон Пьер де Кубертен воскликнул: «О спорт, ты мир!» Формально он был прав. Для тех, чьи сердца не отравлены ядом шовинизма, так оно и было. Это, с одной стороны. Но была, есть и будет другая сторона олимпийского «золота». Вечное соперничество народов, рас и стран возродилось здесь в новой форме.

Деление на «мы» и «они», свойственное человеческой природе. И победа на Олимпиаде – как победа на войне. Это значит: мы лучше, мы сильнее, мы быстрее. И вот уже считаются медали и очки, повышаются ставки. Борьба охватывает все новые и новые сферы. Вступают в нее на той или иной стороне химические корпорации. Разрабатывают новые и новые виды допинга, хитрые медицинские уловки...

Врачи ломают голову, как выжать из человека все...

Бьются инженеры и конструкторы. Изобретают специнвентарь, спецобувь, спецодежду.

Вырвем у врага мгновение, сантиметр, грамм...

Разворачиваются батареи телекамер. Роты комментаторов. Психологическая борьба двух систем вступает в фазу обострения. Вперед! Вперед! Мы впереди! Ура!

Ну и, естественно, где конь с копытом, там и рак с клешней. Спецслужбы проводят свою олимпийскую гонку. Кто кого? Чья возьмет?

Сборная спецслужб Советского Союза уверенно побеждает своих соперников. Тотальный контроль, установленный на всех уровнях, дает результаты. Как-то сам Казаков решил сходить в ГУМ, где и наблюдал «сцену у фонтана». А точнее, одну из стычек невидимой войны.

Идет он по Красной площади. Подходит к магазину. И видит группу диссидентов. Интересно ему стало. Остановился посмотреть. Только развернули они свои плакатики, как, откуда ни возмись, ровно через три секунды «рядовые граждане», молодые, спортивного вида ребята пресекли провокацию. Кинулись на протестующих, затолкали их в подворотню, разодрали бумажные плакаты и, не дав пискнуть, утащили диссидентов во дворы. Анатолий только руками развел: «Ну дают!»

Но бывали моменты, когда отлаженная система давала сбои. Чаще всего это случилось, когда взбрыкивали сами организаторы игр и спортсмены. Им по большому счету было решительно наплевать на напряжение спецслужб. В таких ситуациях приходилось принимать нестандартные решения прямо на ходу.

Так, однажды проходил забег на олимпийскую милю. И вот в чью-то романтическую башку залетела идея. Надо, чтобы москвичи и гости столицы, западные и наши туристы тоже почувствовали себя участниками Олимпиады. Пускай они побегают. Все завертелось, закружилось. Обозначили маршрут. Постановили. Бежать завтра. А об охране-то и забыли. Вспомнили только в последний момент.

Расставлять народ по маршруту поздно. Фильтровать бегущих невозможно. И тогда кому-то из «девятки» ткнула в голову мысль о том, что вместе со спортсменами, среди них, должны бежать и сотрудники КГБ. Стали срочно собирать ребят. А так как большинство занято на олимпийских объектах, то решили привлечь к забегу на олимпийскую милю и штатных сотрудников из числа тех, кто помоложе.

И, гляньте, Анатолий бежит по набережной Москвы-реки, прикрывая активистов олимпийской мили и приглядываясь к тем спортсменам, которые кажутся ему слегка странными. Вот уж забег так забег. Молодой, сухой, длинноногий, он то мчится рядом с тощей бабушкой, которая неторопливо трусит по дорожке, то скрывается в кустах и ждет, когда мимо него пропыхтит, как паровоз, пузатый лысый дядька, видно, бывший спортсмен, решивший тряхнуть стариной. В общем, приходит он к финишу только часа через два. Смешно.

Впрочем, был и другой случай. Не смешной. Двадцать восьмого июля они кучей боевой, летучей, пришли в крытый бассейн смотреть соревнования по плаванию в прозрачной голубой водичке. И обнаружили, что трибуны почти пусты. Не успел Анатолий сообразить, что сегодня хоронят народного любимца, как к нему подкатили две девчонки-туристки из его группы:

– Толик! На похороны Высоцкого идешь? Народ собирается на Таганке. Поедешь с нами? Ты же вроде Москву знаешь? – Они обе вопросительно уставились на него.

Девчонки были хорошие. С одной из них, Валентиной, полненькой, кудрявой, круглолицей комсомольской активисткой из строительного техникума, у них здесь даже началось что-то

вроде дружбы. Она без конца приглашала его к себе в комнату попить чайку, поболтать о том о сем. Короче говоря, липла деваха к нему. Ну, а ему-то что? Он молодой, холостой. Плохо ли? Так кружились, терлись друг около друга. Молодость. Олимпиада. Что еще для счастья надо? Наверное, при других обстоятельствах он бы махнул рукой да и пошел бы с ними побродить по магазинам, постоять на Красной площади. Но тут он мигом осекся: случай-то совсем другой! С одной стороны, не было вечера, чтобы у них в общежитии первокурсников не пели Высоцкого. Он и сам, бывало, взяв гитару, расходил не на шутку, распевая свою любимую «На краю!». Но, с другой стороны, похороны такого человека – повод для провокаций. Почешешь репу. Надо срочно звонить своим. Маслову или дежурному. Это событие.

Девчонкам же ответил, что сейчас кой-куда сбегает и будет готов пойти с ними.

Маслова, как назло, на месте не было. Но случайно он столкнулся в коридоре общежития с молодым пареньком, дежурным от КГБ, который куда-то торопливо собирался. Они уже почти разминулись, когда тот неожиданно развернулся и сказал ему:

– Во, давай со мной на Таганку. Высоцкого хоронят. Там народ собрался. Тысяч сто. Главный режиссер звонил нашему генералу. Боятся, что будет вторая Ходынка. У нас всех свободных собирают, чтобы взять все под контроль, обеспечить порядок.

Машина не дошла до театра несколько кварталов. Народная масса постепенно густела, как вода в реке в морозный день. Они оставили машину и почесали к указанному месту сбора пехом, то и дело проходя сквозь хмурые группы людей, пока не уперлись в край стихийной, громадной и полностью неуправляемой толпы.

Здесь они, поднявшись на цыпочки, долго вглядывались в людское море поверх голов. Искали своих...

Через полчаса с траурными повязками на рукавах они уже стояли в оцеплении, сбивая напирющую толпу в гигантскую скорбную очередь. Анатолий спросил стоявшего рядом с ними хмурого гэбиста:

– Слушай, а что с ним случилось-то? Он же такой молодой был! Полный энергии. Я его видел в роли Хлопуши...

– Володя? Да он наркоман был законченный! Не слезал с иглы много лет. Его уже не раз с того света врачи вытаскивали. Чистили. А в этот раз он где-то на дачах был. Ну и передозировался. Дружки его везли в Москву, в «Склиф». Не успели. В машине и скончался.

Потрясенный, как говорят, до самой глубины души Казаков часа два тупо переваривал эту новость, вглядываясь в проплывающую мимо них очередь.

«Высоцкий. Человек-мечта. Великий актер. Гениальный поэт-песенник. И так грубо, прямо в грязь. Не верю! Не верю!» – билось в сердце.

Но от жестокой правды куда денешься? И особенно в такой солнечный и скорбный день.

А люди все шли и шли. Многие несли магнитофоны, из которых гремел хриплый, надрывный и такой знакомый голос...

Они уже оттоптали себе распухшие от стояния ноги. Страшно хотелось пить. Болела поясница.

Но всему бывает конец.

В притихшей, остановившейся толпе вдруг кто-то тихо ахнул. От театрального подъезда на руках поплыл белый-белый гроб...

«Опять Россия безвременно хоронит своего очередного гениального поэта! – печально думал Анатолий Казаков. – И почему они у нас долго не живут? Пушкин, Лермонтов, Есенин... А теперь вот Володя. Может, у нас климат не тот? Не выживают тонко организованные личности».

Кто-то громко сказал в тишине:

– Что имеем – не храним. Потерявши – плачем.

«Да, расточительный мы народ», – мысленно ответил он на эти слова.

* * *

Улетел в небо на разноцветных шарах под слезы и аплодисменты симпатяга Миша. Москва снова зажила той же самой нервной, суетливой жизнью. Вернулись в нее орды озлобленных мешочников. Двинулись на приступ «колбасные» электрички. Заулыбались сквозь усы кавказцы на рынках.

Только не стало больше в Первопрестольной студента Анатолия Казакова. Тихим осенним утром покинул он столицу нашей Родины город-герой Москву. Куда путь его лежал? Так это тайна. Потому что по окончании игрищ позвал его к себе Маслов. Представился официально подполковником и предложил:

– Хорошо мы этот год поработали, Анатолий Николаевич. Пригляделись к вам. И делаем предложение. Переходи-ка ты к нам насовсем. На службу, – и, заметив его недоумение, добавил: – Пойдешь учиться в наше училище. Через четыре года станешь кадровым офицером Комитета государственной безопасности...

Он потом долго пытался понять, что же все-таки привело его на эту дорогу. «Наверное, мне нравится чувствовать себя востребованной частицей какой-то могучей организации», – думал он.

Но это была только часть правды. Другая состояла в том, что он просто любил приключения, атмосферу таинственности и игры, которая чрезвычайно привлекала его изменчивую и авантюрную натуру.

И престиж, престиж нельзя сбрасывать со счетов. Что греха таить, работать в «Комитете глубокого бурения», как шутили не только обычные граждане, но и сами сотрудники, было для него здорово.

В общем, особо не заморачиваясь, он дал согласие.

VIII

Взвод приглядывался. Появление двух новых сержантов из пополнения в замкнутом мире комендантского взвода произвело переполох. Разные группировки – а взвод, как и всякий коллектив, был поделен на группировки – по-разному отнеслись к их желанию здесь послужить.

Во взводе была странная и в общем-то взрывчатая смесь разных народов, которые под сильным давлением плавилась и кипели в армейском котле. Самыми старшими здесь были грузины: Лоладзе, Меладзе, Блуашвили, Бердашвили и Жвания. Одного с ними призыва были армяне: Григорян, Авакимян и Акопян. К «старикам» примыкал еще один азербайджанец по фамилии Алиев. Дальше шли те, кто отслужил год. Это были русские ребята с Алтая: Вершинин, Ежов, Пашка Падалко и Дорофей. С ними еще несколько невзрачных ребят, коих объединяло только то, что они барнаульцы. Из призыва алмаатинцев, то есть «черпаков», отслуживших всего полгода, были Амантай Тунекбаев, Соломатин, Колчедан, Валерка Дершунин и иже с ними. Ну вот, к ним теперь поступило пополнение в виде сержантов Дубравина из Алма-Аты и Ашина из Рязани.

Исходя из этой расстановки по сроку службы и землячеству, складывались и отношения. В разных подразделениях они, кстати говоря, принимают разную форму, но чаще всего – дедовщины.

Комендантский взвод, призванный поддерживать порядок в гарнизоне, состоявшем из трех частей, тоже не обошла эта проблема. Но здесь на нее накладывалось то, что коменданчи жили неким обособленным от других подразделений мирком. И удерживались среди них в основном люди амбициозные, драчливые и жесткие. Так что, когда «старички»-грузины взялись «наводить порядок» и для этого поколотили несколько человек, оказалось, что не все так просто.

Пытались они наехать на Солому. Но Алексей, здоровенный очкастый малый из интеллигентной семьи, оказался крепким орешком. Когда-то он занимался боксом. И поэтому сразу сам кидался в драку, а в случае чего становился в угрожающую боксерскую позу. Ну а так как настоящей злобной воли опустить и унизить человека у грузин не было, то через какое-то время они махнули на него рукой. Солома, как волк-одиночка, остался непокоренным.

Барнаульцев они просто боялись, потому что Пашка Падалко, парень спортивный, жилистый, окончил спортивный техникум и всегда готов дать сдачи. Ну а при нем терся Дорофей. Мужик с характером, с гнильцой, этакий говнистый толстячок с круглой, жирной мордой.

Вместе они верховодили среди барнаульцев.

С сержантами, даже такими молодыми, как Дубравин и Ашин, другое дело. Их «старички» не трогали, понимали: это власть. А власть надо уважать. К ним относились снисходительно-покровительственно.

Командовал комендантским взводом только что пришедший из училища лейтенант Валерий Булькин. Полный разгильдяй. И таким он был, видимо, и курсантом. Так что при нем «старичкам» воля.

Конечно, Дубравин, наблюдая сейчас из окна казармы за построением очередного наряда на службу, не знал еще расстановки сил. Да и что он мог знать? Он сегодня впервые заступал начальником караула.

Построились у своей казармы. И друженько потопали прямо к штабу, где на площадке для разводов их уже ожидал дежурный по гарнизону офицер – майор Скотов. Расставились по постам. Первые четыре человека – это наряд во главе с начкаром – на гауптвахту. Трое – наряд на контрольно-пропускной пункт. Еще трое – наряд на склады. Двое – в город с патрульным

офицером. В казарме должна находиться резервная группа во главе с сержантом Ашиным. Вот, собственно говоря, и весь состав.

Комендачей кроме этой их караульной службы начальство привлекало и на другие задания. Ловили дезертиров. Отвозили осужденных солдат в штрафной батальон. Возили подследственных. Занимались ремонтом ограждения. Разнимали массовые драки.

И вот сегодня Дубравин, полный самых благорасположенных мыслей, впервые вступает в этот мир. Много он слышал рассказов о жестокости комендачей, об их свирепости, спайке. По гарнизону ходили слухи о том, как избивают они до полусмерти солдат, попавших на гауптвахту, сокращенно – на губу. Как ломают и умирят самых борзых.

Вот она, таинственная зеленая дверь со звонком на губу, находящаяся прямо в самом конце штабного здания. Он нажимает звонок. Открывается глазок. В дырке появляется чей-то глаз.

– Кто там? – этот вопрос относится к нему.

– Свои, смэна пришла! – кричит в окошко Меладзе.

Дверь сразу настежь. И они заваливают через исшарканный сапогами порог к новому месту службы.

Счастливый, отработавший свое караул быстро собирает вещи, но Блушвили их останавливает:

– Нэ, рэбятя! Сначала сдавайте все, как положено. Мы нового сэржанта в курс дела будем вводить.

Приходится ефрейтору Вершинину показывать хозяйство. Ведь «старики» решили сами сегодня на губе подежурить, чтобы показать «молодому сэржанту», как надо нести «слюжбу».

Вершинин достает из ящика шапки, ремни и прочие вещи, которые сдают при посадке на губу арестованные военнослужащие. Пересчитывает их. Бердашвили принимает все по списку. Ругаются, потому что в наличии не оказывается двух брючных ремней. Наконец все барахло пересчитано, наличие арестантов проверено. Вроде бы все в порядке. Никто не сбежал. Дальше старый караул уходит, новый занимает его место.

В распоряжении четырех солдатиков комната с топчаном, обшарпанным столом, ящиком на стене и двумя амбарными книгами, в коих ведется учет арестантов. Лежат записки от разного начальства.

Есть еще чуланчик. В нем в два этажа сбиты деревянные нары. На них навалены пыльные матрасы. Это комната отдыха караульных.

На губе всего четыре камеры для арестованных. Небольшая, метров на шесть, одиночка. Общая камера человек на двадцать. Еще одна небольшая комната для сержантов. И огромная пустая камера для временно задержанных – как называют ее, «кандейка». Туда собирают тех, кого задержал патруль в «самоходе», пьяных, хулиганов и прочих чудиков. Держат их до тех пор, пока начальство не разберется и не решит, что с ними делать. То ли выпустить, то ли посадить под арест. Решение это принимают чаще всего командиры. В зависимости от должности каждый из них может лишить военнослужащего свободы на срок от одних до пятнадцати суток.

Дубравин, наслушавшийся о зверствах, творимых комендачами на гауптвахте, строго-настрого предупредил Блушвили, Бердашвили и Шманка, что он все будет делать строго по уставу и не позволит издеваться над воинами Красной армии. Те безропотно согласились. Пусть будет так.

Счастливый, что все обошлось без скандала, он сел за стол начальника караула. Минут через десять раздался звонок. Ефрейтор Шманок, маленький – метр с кепкой, – заросший черными бакенбардами армянин, пошел открывать дверь. Через секунду раздался дичайший грохот, от которого Дубравин вскочил как ошпаренный. Еще через секунду на пороге караульной комнаты появился двухметровый Солома в своих интеллигентских очках, с красной патрульной повязкой на рукаве. Позади него маячило носатое круглое лицо Юрки Колчедана. Один

за шиворот, другой подталкивая сзади, они волочили здорового пьяного мужика в нахлобученной на уши пилотке, грязной гимнастерке и с трехдневной щетиной на лице.

– Принимай, начальник, воина! – весело сказал Солома, вталкивая его в помещение. – Записывай! А мы пошли дальше патрулировать.

– Ваши документы! – дрожащей от волнения рукой Дубравин открыл журнал записи временно задержанных.

– Пи! – ответил пьяный, дохнув перегаром. Он быстро освоился, оглядел помещение и принялся куражиться.

– Ну, во, псы поганые! – размахивая руками с черными от грязи ногтями, кричал он. – Вы знаете, кто я такой? Да я пять лет на нарах парился.

Растопырив руки, он уселся на топчан и, судя по всему, готовился лечь на него.

Блуашвили и Бердашвили, два усатых смуглолицых грузина, весело переглянулись и с интересом уставились на Дубравина: «Ну и как ты с ним по уставу будешь вести разборки?»

Дубравин вскочил с места, подошел к пьяному:

– Как твоя фамилия? А? Ты что здесь разлегся? Тебе что здесь, дом отдыха?

– Бэ! – куражась, промычал пьяный и высунул мясистый, багрово-красный язык, показал его сержанту.

Дубравин в растерянности огляделся вокруг, ища поддержки у народа. Но народ в лице караульных только пожимал плечами: «Ты же хотел, чтобы все было по правилам, вот и действуй!»

Тут пьяный вскочил с топчана, на котором неожиданно появилась лужа, и принялся орать:

– Я вас, уродов! Знаете, кто я такой?! Суки, будете у меня сапоги лизать! Лижите сапоги, сволочи!

Он бушевал, кидаясь на патрульных.

– Товарищ сэржант, – наконец не выдержал Шманок, – не волнуйтесь. Счас мы его успокоим!

Дубравин в отчаянии махнул руками. Делайте что хотите, только избавьте меня от этого кошмара.

Дальше все произошло мгновенно. Маленький, едва по пояс пьяному амбалу Шманок сделал два резких, четких движения, и тот сложился напополам, а потом сел прямо в урну, стоявшую в углу караулки. Оттуда его аккуратно и быстро извлекли Блуашвили и Бердашвили. Подвели к столу. Шманок сел за стол, взял ручку.

– Так, фамилия?

– Дундуков!

– Имя!

– Валя, Валентин то есть!

– Как? Балентин?

– Нет, господин сержант, В... Валентин!

– Рота!

– Шестая!

– Распишись здесь!

– Слушаюсь!

– В клетку бэгом!

– Есть!

И рядовой Дундуков боком-боком, чтоб не видно было мокрых штанов, вылетел в коридор. Вскоре за ним загремел засов «кандейки».

– Видишь, как все хорошо! – обращаясь уже к Дубравину, заметил Шманок. – Все у полном порядке!

Ошалевший, с широко раскрытыми глазами сержант Дубравин пребывал в шоке еще целых полчаса после описанных событий. На самом деле воспитание, образование, вся его природа восстали против такого порядка. Ведь даже для того, чтобы ударить другого человека, надо что-то переломить, преодолеть в себе. Опрокинуть свои представления обо всем. Но жизнь на гауптвахте не давала ему возможности поразмышлять над увиденным. Надо было реагировать на происходящее вокруг и каждую минуту доказывать делом, что ты здесь командир.

Уже к концу суточного наряда ему во всей простоте и ясности стали одна за другой открываться простые истины. О власти и о себе. Все здесь было просто. Либо ты командуешь на губе. И все работает. Либо командуют те отбросы человеческого общества, которые сюда спихиваются отчаявшимися отцами-командирами. А удержать их в повиновении, заставить себя уважать в этом обществе можно было только одним – силой.

Служба в комендантском взводе и возможность почувствовать свою власть над людьми сразу выявляли все человеческие качества. Запертые на губе в замкнутом пространстве, арестованные и их караул вынуждены приспособливаться друг к другу.

Обычно в наряд в караул на гауптвахту ставили молодых солдат. Это, так сказать, для укрепления их боевого духа и выработки характера. Отстояв в карауле сутки через двое по полгода, многие из них становятся неврастениками, у некоторых появляются тик, экзема или какие-то другие проявления нервного синдрома. Часть из них, особенно те, кто в обычной жизни был не слишком успешен, превращаются в зверей-садистов, другие не выдерживают напряжения, уходят из комендантского взвода в другие подразделения. И редко кто умудряется в этом аду сохранить обычные человеческие качества.

Справиться с пьяными буянами – дело несложное. Если первичные отрезвляющие меры на него не действовали, то караул брал длинную веревку, заваливал буяна на тот же самый топчан, связывал ему руки сзади, потом той же веревкой связывал ноги и соединял ноги и руки за спиной. Если буйство продолжалось долго, кто-нибудь брался за веревку и приподнимал, подвешивая буяна за веревку. Это была «ласточка». Минут через двадцать после связывания боец клялся и божился, что больше не будет орать и драться, и его отпускали.

Бывали случаи, что в «кандейку» нагоняли хренову тучу народу. Это когда военным строителям выдавали деньги. Тогда их пригоняли целыми пьяными отделениями ночевать на губу. И бывало, что в «кандейке» начиналась большая буза. Пьяная толпа принималась орать песни, бить в двери ногами, материть стоящего на посту караульного. Справлялись комендачи и с такой бедой. Иногда выгоняли в коридор, строили и «мочили» всех подряд. В итоге через полчаса все успокаивалось. Но чаще применяли другие меры. В «кандейке» пол деревянный. И караул просто заливал камеру водой. Принесет несколько ведер – и уже в «кандейке» ни сесть, ни лечь невозможно. Ну, постоят алкоголики час-другой, пошумят, а потом успокоятся и высылают парламентаря к начальнику. Давай, мол, договариваться по-хорошему. Им выдают швабру, тряпку, ведро. Они собирают воду с настила. Просушивают камеру. И ложатся спать.

Наутро приходит их сержант и забирает «воинов» на работу.

Были такие, кто губу считал своим родным домом и почти не вылезал из нее. К примеру, азербайджанец Зейналов. По характеру наглый, базарный, как цыган. По виду сухой, жилистый, будто свитый из толстых корабельных канатов. Сидел он постоянно. Обычно губарей выводили на день на работы. Убирать территорию возле штаба или помогать на кухне делать что-нибудь тяжелое. А этот уже так всех достал, что его никуда и не брали. Начальство хотело сплавить его в штрафбат. Но для этого его надо судить, а хитрый азербайджанец повода для суда не давал.

И вот, находясь целыми днями на губе, он принимался от скуки с утра до вечера изводить караульных. Начинать обычно с того, что называл их слюнтяями и слабаками. И рассказывал о том, что когда он выйдет с гауптвахты, то разделается с ними. Что все вместе они, конечно, одолеют его, а вот один на один с ним, с борцом, никому из них никогда не справиться. И он

любого положит на лопатки. Когда в карауле появился новый сержант Дубравин, он принялся клеиться и к нему.

– Молядой! – начинал он базар, выглядывая в квадратное окошко, выпиленное в деревянной, обшитой жестью зеленой двери. – Выходи бороться! Я тебя зделяю, как циплонка! – и делал страшные глаза, выкатывая белки.

Сначала Дубравин не обращал никакого внимания. Но, как говорится, ржа железо ест, а капля камень точит. На третье его дежурство, когда всех зэков уже вывели на работы, «хрен с горы» принялся в очередной раз доводить до кипения стоявшего сейчас на посту в коридоре Серегу Степанова. То обзывал его бабой: «Ты не мужчина!», то требовал через каждые полчаса, чтобы его выводили в туалет. Или принимался орать, что его ограбили:

– Сержант! Сержант! У меня сигареты пропали!

Так тянулось час за часом это нудное дежурство, пока он не перескочил на излюбленную тему молодых сержантов.

И тут Сашка сорвался. Он отодвинул Степанова и влетел в камеру. Явно было, что Дубравин сильнее Зейналова физически и даже в какой-то степени техничнее его. Но сухой и жилистый Махмуд, как лиана вокруг дуба, обвился вокруг него, вцепился и никак не давал провести полноценный подхват и бросок.

В конце концов Александр свалил Махмуда на пол камеры и прижал к доскам. Казалось бы, на этом схватка закончилась. Но стоило ему выйти из клетки, как противник, вскочив на ноги, принялся орать:

– Ты неправильно боролся!

Дальше сцена повторялась с точностью до деталей. Дубравин снова врывался в клетку. Короткая схватка. А затем поверженный Зейналов признавал поражение. Но стоило только Дубравину выйти, как он опять начинал:

– Вот я выйду, всех вас!.. Будэтэ знать!

Так могло продолжаться часами.

* * *

За этот год Дубравин сильно изменился. Уже не метал бисер перед свиньями, пытаюсь личным примером увлечь подчиненных на уборку территории или патрульную службу, не пытался и перевоспитывать хамов.

Для него стало совершенно очевидным, что власть никто никому не дает. Власть только берут. Еще труднее ее удержать, потому что люди привыкают к ней, а потом начинают пробовать на зуб. И для того, чтобы ее удержать, нужно внушать страх. То есть время от времени надо применять беспощадный террор по отношению к подчиненным. Но это еще не все. Террор – штука хорошая. Но, в конце концов, люди привыкают и к нему. Поэтому он теперь понимал, что обязательно надо иметь опору, верных людей в коллективе. В любом – будь то армейский взвод или заводская бригада.

Но он видел, как власть и развращает человека. Понимал, что упоение ею опасно. Особенно опасно, когда у власти появляется ущербный, гнилой человек.

Однажды ему довелось наблюдать, как на глазах меняется такой изгой, если ему в руки попадают власть и оружие.

Младший сержант Серега Степанов, ладненький, кругленький, розовощекий бравый паренек, слыл большим юмористом и шутником. И однажды он отчебучил. Как-то на губу пригнали совсем молодого доходягу-первогодка, несуразного цыпленка. Гимнастерка на спине колом. Сапоги раздолбанные, разбитые, ни на что не годные. Большая шапка сползала на уши. Сам тощий, как былинка. А главное, запуганный по полной программе. Есть такие люди запуганные, задрюченные, изгой в армейской да и в любой другой среде. И вот такого-то заморыша

кто-то из офицеров за что-то посадил на трое суток на губу. Естественно, и на губе попал он сразу в положение мальчика на побегушках. Его шугали все, кому не лень. И караульный, и ээки. Он мел пол, выносил мусор, мыл посуду. «Бегал с вертолетом». Пока... Пока не случилось вот что.

Степанов, которому после ночного самохода к девчонкам надоело стоять на посту, вытащил его из камеры, дал в руки СКС, что значит «скорострельный карабин Симонова», и поручил постоять вместо него, пока он поспит. Естественно, первые полчаса молодой, назовем его Свиницкий, боялся всех. И этим пользовались. Какой-нибудь обросший трехдневной щетиной Арутюнян подходил к окошку в двери камеры и рявкал:

– Свиницкий, иди сюда!

Караульный, он же одновременно и арестант, подбегал к окошку. И Арутюнян командовал:

– Воды!

В ответ Свиницкий быстро бежал за кружкой и подавал воду.

По прошествии некоторого времени такого действия этот мокрый цыпленок сначала стал отмахиваться от своих бывших сокамерников. Потом, осмелев, стал посылать их на три буквы. А через пару часов Дубравин стал свидетелем вот какой сцены. Когда Зейналов уже не в первый раз рявкнул: «Свиницкий, поди сюда!» – заморыш в ответ ударил прикладом прямо в окошко, в котором появилась усатая морда Зейналова. Тот едва успел отскочить. А Свиницкий с головы до ног обложил его, да так профессионально, как не мог бы сделать сам сержант Степанов.

Перерождение свершилось. Едва только задрюченный человечек получил оружие и право на маленькую, мизерную власть, он тут же изменил алгоритм своего поведения на противоположный.

Дубравин, с интересом наблюдавший за всем этим процессом, приказал Степанову немедленно прекратить эксперимент и надолго задумался: «Не зря говаривал товарищ Мао, что «винтовка рождает власть». Она и развращает людей. И дело здесь даже не в Свиницком. Бог с ним. Этот отпечаток я вижу и на других ребятах. Наверное, он есть и у меня. Став комендантами, получив какие-то права, мы считаем себя особенными. Мы ведь, в сущности, военная полиция. Проверяем документы. Можем задержать человека. Караулим. Вот многие и скурвились. Лупят всех направо и налево. И правых, и виноватых. Надо как-то все-таки самому понимать, что следует сдерживаться».

Дубравин завоевал вскоре и среди караульных, и среди губарей славу справедливого сержанта. Никогда после этого случая он не пускал в ход кулаки, если арестованный человек не был виноват, не задибался, не лез на рожон. И это уже было большим прогрессом, ибо остальные, принимая арестованного или задержанного, сначала давали ему оплеуху. Били под дых или по почкам, а уже после этого начинали разговаривать.

Впрочем, он не позволял и садиться себе на голову. В крайних случаях, когда надо было осадить урода, действовал быстро, решительно и беспощадно.

IX

Дежурство на губе было самым сложным в школе закалывания бойцов-комендачей. Выход в патруль без офицеров, а только с начальником сержантом был самым приятным занятием. Помотавшись часик-другой по улицам поселка Северный возле Новосибирска, патруль быстро снимал повязки и валил по своим делам. Старички уже давно завели себе любушек в поселке, ну а молодые, начинающие службу, жадно искали знакомств. И находили. Особенно пронырливым по этой части был младший сержант Степанов. Он-то и наткнулся на золотое дно – хлебозавод, который располагался приблизительно в двух километрах от поселка. Точнее, даже не на сам хлебозавод, а на его общежитие, где в небольшом доме селилось несколько девчонок. И естественно, комендачи начали пастись на этом участке.

Но сегодня они вышли вместе с Дубравиным. А он, что ни говори, службист. От этого Степанов мялся и пожимался. Ему очень хотелось смыться к девчонкам, но он знал, что Дубравин, как добросовестный командир, конечно, не отпустит его. Пронырливый и хитрый, он решил этот вопрос по-другому. Предложил командиру:

– Товарищ сержант! Я знаю одно место, где пасутся военные строители. Вот уж там мы точно кого-нибудь задержим. Да не одного, целую пачку! Давай сходим!

– Давай! – простодушно согласился Дубравин.

Вообще-то те, кто служил давно, знали простую истину. Вокруг воинских частей или гарнизонов, несмотря на всю их закрытость, высокие заборы, часовых и прочие прелести солдатского жития, всегда возникают особые пограничные зоны, в которых живут женщины, жаждущие мужского внимания. Таких женщин все в части знали наперечет и такие места тоже выучили наизусть. Какими-то тайными тропами, через забор в самоволку или в законном увольнении солдаты, сержанты проникали туда, знакомились с ними, находили общий язык. Налаживался контакт, так сказать, к взаимному удовольствию. И что интересно, если контакт был хорошим, появлялась любовь-морковь. Частенько солдаты женились и забирали своих подруг с собой домой. Если не женились, то передавали их своим сменщикам, следующим поколениям.

Вокруг этой части тоже было немало таких своеобразных вдов-невест. Вдов – потому что прежние хахали уезжали, а невест – потому что появлялись новые поколения из молодого пополнения. Были такие бабы, которые уже отчаялись поймать солдата на замужество. И тогда они становились вечными вдовами-невестами – лет до тридцати – тридцати пяти. Пока не рожали от кого-нибудь детей. Но и тогда некоторые из них не оставляли надежды как-то устроить свою личную жизнь.

Другие постепенно запивались и опускались все ниже и ниже. Эти не принимали солдат у себя дома, а просто сами приходили на КПП или к забору.

Такие встречались и Дубравину. Как-то вдруг прибегает Шманок и кричит хрипло:

– Там девчонки пришли к забору! Заигрывают. Действительно, когда Дубравин сам вышел на пост, он увидел двух подружек, которые робко жались к забору и просили, чтобы вышел какой-то Леня, с которым они якобы знакомы. Девки были, конечно, оторви и брось. Грязные, жалкие, в каких-то обносках. Конечно, никакого Лени в этот час нигде не было и не могло быть. Но Дубравин их пожалел и подкормил. Дал распоряжение, чтобы девкам выдали оставшейся от сержантского обеда каши и хлеба. Потом они, как сообщили ему позднее, еще несколько дней ходили к забору. К ним прилаживались солдатики...

Но самыми милыми солдатскому сердцу были, конечно, продавщицы, работницы общепита, воспитательницы детских садов и пр. Как однажды объяснил тому же Дубравину сержант Степанов:

– Они чистые. Их каждые три месяца проверяют!

Это было важно. Но, кроме того, были и меркантильные соображения. Так, девчонки с хлебозавода подкармливали солдат. А что может быть вкуснее буханки только что испеченного свежего хлеба? Делали на хлебозаводе и печенье. А для его производства нужна лимонная или апельсиновая эссенция, настоящая на спирту. То есть там можно было не только пожрать, но и выпить.

И когда в солдатском сортире пахло лимонами и апельсинами, Дубравин знал: его люди были в патруле. Охраняли богатое, «рыбное» место.

Так, где-то минут через сорок ненапряженной ходьбы наш патруль уже оказался у дверей двухэтажного небольшого общежития.

Сергея Степанов, розовощекий, ладненький, лаковый, как плюшевый мишка, тихонько постучал в дверь:

– Наверное, спят после ночной смены?

Через минуту за дверью послышался какой-то шорох, выглянула чистенькая девочка в коротеньком халатике.

– Ой! – проговорила она, увидев весь их бравый наряд.

Еще минут пять шорохов и недовольного бормотания, и дверь приоткрылась.

– Заходите! – приглушенным голосом прошептала девчушка.

И они оказались в довольно большой, обставленной казенной мебелью прихожей. Сергей церемонно представил Дубравина. Сам он, видать, был здесь завсегдатаем.

– Наш сержант Александр Дубравин!

Дубравин церемонно, как учили в романах, чмокнул ручку, чем привел веселую девицу с кудельками в полное и неопишное смущение. Она что-то пробормотала, засуетилась. Стала подниматься по лестнице. При этом они, стоявшие снизу, увидели, как мелькнули беленькие трусики под ее коротенькой юбочкой.

– Проходите!

Они, грохоча своими кирзовыми сапогами, поднялись вслед за ней наверх и оказались в чистенькой девичьей светелке, где стояли четыре металлические кровати. На кроватях сидели уже проснувшиеся девчонки и усиленно причесывались, пудрили носы, заглядывая в дешевенькие зеркальца.

Девчонки на хлебозаводе в основном из близлежащих деревень. Хорошие, симпатичные, простые русские девчонки. Добрые, душевные, отзывчивые, любящие. А чего еще солдату надо-то?

В общем, полная идиллия. Ребята расселись за стол у окна на табуретки. И пошел разговор бестолковый, веселый, поддерживаемый в основном Сергеем. Дубравин же набычился и от этого казался важным.

Через полчаса одна из девчонок куда-то сбегала, и на столе появились две чудесные, свежайшие, только что из формы белые буханки хлеба, несколько пачек печенья, конфеты и, самое главное, бутылка апельсиновой эссенции.

Уж кто-кто, а женщины знают, как привлечь ребят.

У Дубравина от всей этой роскоши потекли слюнки. Он, конечно, отнекивался, поглядывал в окно общежития, не идут ли сюда нарушители, самоходчики из части. Но никаких самоходчиков не было и в помине.

В конце концов он понял, что хитрый Степанов разыграл всю эту комедию для того, чтобы повидаться со своей любушкой. Но отступать было поздно. Он уже попался на удочку. А тут так тепло, уютно. Рядом симпатичные, добрые девчонки. Они подливали чайку и то касались словно невзначай его руки, то, ласково заглядывая ему в глаза, спрашивали, откуда он родом, есть ли у него девушка, ждет ли она его. И явно ожидая отрицательного ответа, рассчитывали свои шансы на перспективу.

Короче, размяк он, расслабился, замурлыкал. И... пошло-поехало. С того раза.

Раз погостили. Другой. А тут девчонки стали передавать ему приветы. То Степанов принесет привет от Люси. То Блушвили, придя из ночного дозора, вспомнит, что о нем спрашивали. Но Дубравин старался держаться. Ему казалось, происходящее здесь, в армии, все эти наметившиеся романы и романчики между девчонками с хлебозавода и его подчиненными, все это дело временное, пустяковое, никак не касающееся главной, самой важной любви. Там, на гражданке, была любовь вечная и прекрасная, а здесь все это ненастоящее, временное.

Изо всех сил старался он сохранить в сердце любовь, ее идеальный несмываемый образ. Но шли недели за неделями, месяцы за месяцами, и он уже плохо представлял себе, как может выглядеть Галина, как живет, о чем думает.

Все в их отношениях снова становилось зыбко и непонятно.

Неожиданно ему пришло письмо от старых школьных друзей. Оказывается, они помнили его. И, судя по всему, глубоко сожалели о том, что случилось. Письмо было написано Вовулей Озеровым. В нем он старательно избегал грустных воспоминаний о той глупой ситуации, из-за которой они тогда рассыпались.

«Шурик, здравствуй!

Сегодня, восемнадцатого февраля, мы собрались вечером у Андрея Франка и решили тебе написать письмо. Сейчас мы сидим в комнате, тихо играет магнитофон, твое фото лежит перед нами и, конечно, навевает грустные воспоминания. Просим извинения, что не писали, сам понимаешь, что времени мало, да и другие обстоятельства мешали. В общем, кто старое помянет, тому глаз вон.

В общем, наша дружба не прекращается, ведь мы дружили не год и не два. Это у девочек происходит все стихийно. В общем, ты поймешь все.

Ну, ты знаешь, где кто из нас устроился, так что объяснять не надо. Я хожу на штангу, а Толян на бокс. Андрей занимается гимнастикой. А ты, говорят, продолжаешь заниматься борьбой. Это хорошо. Да, ребят наших тоже гребут в армию. Только Сасина (Комарика) уже побрили, скоро пить будем. Сейчас ребята смотрят фотки, вспоминают все походы, общество «Лотос» и сознают, как сильно мы повзрослели.

Я недавно пришел из похода. Был в горах, брал вершину Ак-Кая, уже облазил половину Алатау. Могу похвастаться: скоро поедem на Кавказ, на Эльбрус.

Да, как там насчет друзей?

Будь проклят тот день, когда ты уехал в Алма-Ату. Я, конечно, извинился за нас, но Толюня на тебя обижен. В прошлом августе мы устроили вечеринку школьных друзей. Были почти все наши девицы. Я как-то заглянул в окно комнаты и слышал, как он спорил с Крыловой о тебе. Но все, что он говорил, она парировала тем, что ты ей пишешь, а нам нет. Значит, мы не были для тебя настоящими друзьями. Только тогда туго пришлось, он чуть не плакал от обиды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.